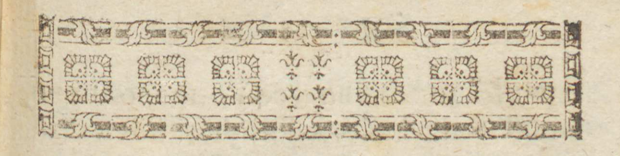
СТРАСТИ
МОЛОДАГО
ВЕРТЕРА.

ЧАСТЬ II.

переведена
съ Нѣмецкаго.

ВЕРТЕРЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПИСЬМО XXXVIII.

Октября 20 дня, 1771 году.

Вчерашній день мы пріѣхали сюда. Министръ не домогаетъ, и нѣсколько дней не будетъ выѣзжать ни куда. Еслибъ онъ не былъ такъ суровъ, все бы было хорошо. Я примѣчаю, что судьба испытываетъ меня разными жестокостями. Однако да не унываю! Легкомысліе все переноситъ, какъ легкомысліе! Не могу удержаться отъ смѣху, какъ написалъ я сіе слово. О! когда бы мнѣ хотя мало легкомыслія, я бы былъ благопо-

лучнѣйшимъ во всей подсолнешной! Какъ! Когда другїе съ малыми силами и дарованїями имѣютъ предо мною удовольственнѣйшїй на свѣтѣ видъ, я ли отчаеваюсь со способностями и дарованїями своими! Боже милосердный! Ты, которой излїялъ на меня толь щедро всѣ сїи благости, почто лутче не скрылъ оныхъ половины отъ меня, и не наградилъ больше спокойствїемъ духа и довѣренностїю къ самому себѣ?

Да возьиму терпѣнїе! Все будетъ благополучно. Я етого надѣюсь, и признаюсь тебѣ, другъ мой, что ты правду говорилъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ ежедневно обращаться съ людьми, и примѣчать ихъ дѣянїя, со мною сдѣлалось гораздо лутче. Когда мы такъ сотворены, что все сравниваемъ съ собою, и себя со всемъ, то щастїе и нещастїе наше зависятъ только отъ предмѣтовъ, коимъ себя примѣняемъ, и въ семъ

случаѣ

случаѣ опаснѣе всего уединенїе. Тогда воображенїе наше, стремящееся всегда къ возвышенїю себя, подкрѣпляется новыми силами, паритъ на крылахъ стихотворческихъ, и представляетъ себѣ тысячи существъ величественнѣе и совершеннѣе насъ. И сїе весьма естественно: мы часто чувствуемъ свои недостатки, и чего въ насъ не достаетъ, то кажется намъ, что находимъ въ другихъ и сверхъ того приписываемъ имъ еще и свои собственныя дарованїя, такъ что послѣ сами вопїемъ: се совершенный, се щастливый человѣкъ! Но совершенство и щастїе сїе раждается только отъ дѣйствїя нашего воображенїя.

На противъ того, если мы не смотря на свою слабость и томленїе непрестанно слѣдуемъ своимъ путемъ, то часто находимъ, что мы и противнымъ вѣтромъ далѣе преплываемъ, нежели тотъ,

кому оный дуетъ во всѣ паруса — и — однако сїе есть истинное ощущенїе самаго себя, когда мы равняемся съ другими или еще и превосходимъ другихъ.

ПИСЬМО XXXIX. Ноября 10.

Состоянїе мое становится здѣсь сноснѣе. Всего лутче для меня то, что довольно имѣю дѣла, и разнаго состоянїя люди и разные новые виды представляютъ душѣ моей восхитительнѣйшее позорище. Я познакомился съ Графомъ С — къ коему почтенїе мое ежедневно умножается. Онъ имѣетъ обширный и проницательный разумъ, и видитъ далѣе другихъ; но сїе не дѣлаетъ его холоднымъ; чувствительность его къ дружбѣ и къ любви сїяетъ въ немъ паче всѣхъ его достоинствъ. Въ первый разъ явилъ онъ ко мнѣ свое благоволенїе, когда я утромъ пришелъ къ нему съ дѣлами, и съ первыхъ

словъ

словѣ узналѣ, что мы другѣ друга разумѣемѣ, и что иначе со мною говорить можетѣ, нежели сѣ другими. И такѣ я нахвалиться не могу благосклоннымѣ его со мною обхожденїемѣ. Ибо нѣтѣ большаго вѣ свѣтѣ удовольствїя, какѣ видѣть толь великую и благородную душу, толь кѣ себѣ откровенную и благоприятную.

ПИСЬМО XL. Декабря 24.

Я предвидѣлѣ, что буду огорченѣ Министромѣ. Такого щекотливаго дурака вѣ цѣломѣ свѣтѣ не сыщешь. Онѣ ходитѣ такѣ, что едва ногу за ногою волочитѣ, и разборчивѣ какѣ старая баба. Человѣкѣ, которой никогда самѣ собою не доволенѣ, можетѣ ли быть доволенѣ другими? Я люблю, чтобы у меня дѣло летѣло, и что сдѣлано, то бы было сдѣлано. Но нѣтѣ! онѣ отдаетѣ мнѣ бумагу на задѣ и говоритѣ: Ето изрядно,

однако просмотри еще разъ, не сыщется ли словца или чего другаго поприличнѣе. Тогда лутче бы меня чортъ взялъ, нежели ето слышать. У него не пропусти ни одного союза *ибо* или *понеже*, а другихъ оборотовъ, которые я иногда дѣлаю, смертельно терпѣть не можетъ. Ежели же станешь читать ему его перїоды не по приказному, то онъ ничего не понимаетъ. Не мученїе ли имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ?

Милость и довѣренность Графа С — одна только меня утѣшаетъ. Недавно разговаривая со мною признался мнѣ чистосердечно, сколь онъ недоволенъ медлительностїю и затрудненїями моего начальника. Таковаго свойства люди тяготятъ все и себѣ и другимъ. Однако, примолвилъ Графъ, надобно повиноваться по примѣру путника, которой иногда принужденъ бываетъ ползсти черезъ

крутую

крутую гору. Еслибъ ее не было на пути, дорога была бы спокойнѣе и короче; но она уже есть! такъ надобно необходимо чрезъ нее перелѣзать! —

Старикъ мой примѣчаетъ, что Графъ дѣлаетъ мнѣ нѣкоторое предъ нимъ преимущество. Ето его бѣситъ и онъ не упускаетъ ни одного случая, чтобы не сказать мнѣ объ немъ чего нибудь дурнаго. Я его защищаю, какъ и должно, а чрезъ сіе дѣло идетъ часъ отъ часу хуже. Вчера онъ разсуждая о Графѣ, мѣтилъ и на меня. Графъ, говорилъ онъ, къ свѣтскимъ дѣламъ довольно способенъ; онъ пишетъ проворно, и слогъ имѣетъ не худой, но въ немъ не достаетъ основательнаго ученія какъ и во всѣхъ изящныхъ умахъ. Сіе мнѣ такъ было досадно слышать, что я бы его за ето прибилъ, по тому что съ такимъ грубіяномъ не къ чему долго разсуждать; но какъ сего сдѣлать

было не можно, то съ нарочитою твердостїю примолвилъ я: Графъ такой человѣкъ, котораго надлежитъ почитать и по его достоинству и по его знанїю. Я не видалъ еще никого, продолжалъ я, кто бы такъ далеко какъ онъ, распространилъ свое свѣдѣнїе обо всемъ, не потерявъ при томъ прилѣжанїя и къ общежитїю. Но сїе было Алгебраическою задачею для сей непонятной головы, и я по томъ вышелъ вонъ, дабы онъ не разгорячилъ меня еще больше какою либо нелѣпостїю.

Вы всему етому нещастїю причиною, вы, которые принудили меня взять на себя сїе иго, и томъ часто твердили мнѣ о трудолюбїи. Но если тотъ, которой садитъ самъ земляныя яблоки, и въ торговые дни ходитъ продавать оныя въ городъ, больше меня трудится, то я соглашаюсь еще десять лѣтъ остаться въ сей каторгѣ,

торгѣ, въ которой теперь заключенъ.

Сверхъ сего какая здѣсь несносная скука между непросвѣщенными людьми, имѣющими по выбору знакомство! Какое высокомѣріе въ чинахъ! Какъ они рвутся и домогаются другъ передъ другомъ, чтобы выиграть хотя одинъ шагъ! Въ примѣръ скажу тебѣ о женщинѣ, которая всѣмъ уши прожурчала своимъ дворянствомъ и помѣстьемъ; всякъ посторонній человѣкъ думаетъ теперь объ ней, что она сумашедшая, которой благородство и родовая деревня голову вскружили — Но что и того досаднѣе, сія самая госпожа не иное что, какъ дочь одного въ сосѣдствѣ управительскаго Секретаря — Другъ мой, понять не могу, какъ люди доходятъ до такого безумія, что симъ образомъ сами себя уничижаютъ.

Правда, я ежедневно больше примѣчаю, сколь неблагоразумно есть су-

судить о другихъ по себѣ. И поелику самъ не могу утолить волненія крови и успокоить своего сердца, то позволяю охотно слѣдовать каждому своимъ путемъ, только бы и мнѣ таковуюжъ свободу предоставляли.

Однако несноснѣе всего для меня гражданскія отличности. Ибо хотя я и самъ не менше другаго знаю, сколь нужно различіе между людьми, и сколь оно полезно и для меня, но не желаю, чтобы оное встрѣчалось мнѣ на пути тамъ, гдѣ могу еще наслаждаться нѣкоторымъ удовольствіемъ или тѣнію благополучія въ семъ мірѣ.

Недавно познакомился я съ дѣвицею фонъ Б — весьма любви достойною, которая не смотря на грубое ея воспитаніе, отъ природы имѣетъ превосходныя дарованія. Мы другъ другу въ разговорахъ понравились, и я разставаясь съ нею просилъ дозволенія ее посѣтить.

тить. Она приняла сїе съ такою благосклонностїю, что заставила меня съ нетерпѣливостїю ожидать удобнаго къ тому случая. Она не здѣшняя, и живетъ у тетки. Жеманной видъ сей старухи со всемъ мнѣ не понравился. Однако я оказывалъ ей всевозможное учтивство, и часто начиналъ съ нею говорить, по чему тотъ часъ узналъ, какъ послѣ того и дѣвица Б — сама мнѣ открыла, что возлюбленная ея тетушка уже въ лѣтахъ, и при томъ скудна и имѣнїемъ и умомъ, подпорою имѣетъ одну только предлинную родословную, защитою одно свое пустое дворянство, а удовольствїемъ смотрѣть только чрезъ цѣлый день изъ своего терема на прохожихъ мѣщанъ. Съ молодыхъ лѣтъ видно она была не дурна, и такъ жизнь свою изжила, что съ начала въ златой свой вѣкъ измучила своенравїемъ своимъ одного бѣднаго молодчика, по томъ когда пре-

прелести ея обветшали, и настал медный век, она принуждена была довольствоваться старым Офицером и покоряться его воле, покуда он не умер, на конец когда теперь наступил век железный и она осталась одна, то никто бы на нее и взглянуть не захотел, если бы племянница ея не была столь любви достойна.

ПИСЬМО XLI. Генваря 8. 1772 году.

Что ето за люди, коих все помышленія привязаны к церемоніалу, и чрез целый год того только домогаются, чтобы за столом сидеть хотя одним стулом выше другаго? Но не думай, чтобы сіе происходило от праздности; нет, они усугубляют еще свои труды, предоставляя для сих пустошей то время, которое бы им надлежало употребить на важнейшія упражненія. На прошлой неделе согласились мы кататься

ся

ся въ саняхъ; споръ зашелъ, кому ѣхать прежде по старшинству, и катанье рушилось.

О безумные, которые не смыслятъ, что истинная знатность познается не по мѣстамъ, и что тотъ, которой занимаетъ первое изъ оныхъ, не всегда имѣетъ первенство! Не рѣдко Государь управляется Министромъ, Министръ Секретаремъ. Кто же изъ нихъ тогда первый? мнѣ кажется, что тотъ, которой другихъ просвѣщеннѣе и столько имѣетъ силы или проворства, что слабости ихъ или страсти употребляетъ къ произведенїю въ дѣйство своихъ предприятїй.

ПИСЬМО XLII. Генваря 20.

Я пишу къ тебѣ, возлюбленная Шарлота, изъ крестьянской хижины, въ которую загнала меня дурная погода. Чрезъ все пребыванїе мое въ семъ скучномъ городѣ Д... по-

посредѣ незнакомыхъ, и со всемъ чуждыхъ моему сердцу, мысль моя ни однажды не напоминала мнѣ къ тебѣ писать; но въ сей хижинѣ, въ семъ убѣжищѣ или такъ сказать въ темницѣ, гдѣ снѣгъ и градъ свирѣпствуютъ противу малаго окошка; ты первая предстала моему воображенїю. Какъ скоро я вошелъ въ оную, образъ твой и напоминовенїе обьяли мою душу, о возлюбленная моя! сколь свято, сколь восхитительно! Великїй Боже! возврати мгновенїе, въ которое я въ первый разъ ее узрѣлъ!

Еслибъ ты видѣла меня въ семъ вихрѣ, гдѣ все разсѣваетъ мои мысли, но ничто меня не трогаетъ! Ахъ, какъ чувства мои изсохли! Нѣтъ мгновенїя, въ которое бы духъ мой томился, нѣтъ того, въ которое бы слезы лилися отъ сладчайшей чувствительности! Ничто, ничто меня не привлекаетъ! Я здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ любопытныхъ представленїяхъ, вижу мно-

множество движущихся куколъ, и самъ себя вопрошаю: не мечта ли это оптическая? Я ими забавляюсь или лутче сказать, онѣ мною забавляются; иногда беру за руку сосѣда, возлѣ меня сидящаго, но чувствую, что она одеревенѣлая и съ трепетомъ опять оную отвергаю.

Здѣсь нашелъ я одну только особу одного съ тобою пола, дѣвицу Б — Она тебѣ подобна, возлюбленная Шарлота! если только можно тебѣ уподобиться. Екъ онъ, скажешь ты, научился какимъ нѣжнымъ привѣтствіямъ! Это нѣсколько справедливо. Съ нѣкотораго времени сдѣлался такъ вѣжливъ, не могши быть ничемъ другимъ, такъ остроумнымъ, что дамы говорятъ, что никто меня лутче привѣтствовать не можетъ, слѣдственно и лгать, примолвишь ты, по тому что одно безъ другаго быть не можетъ. Но я хотѣлъ раскзать тебѣ о дѣвицѣ Б. —

Она

Она весьма чувствительна и разумна, и оба сїи достоинства написаны на прекрасныхъ голубыхъ ея очахъ. Знатность свою почитаетъ она такимъ для себя бременемъ, которое ни единаго сердечнаго ея желанїя не удовлетворяетъ, и она охотно бы желала избавиться отъ сего праху. Часто препровождаемъ мы съ нею мысленно приятнѣйшїе часы въ вожделѣннѣйшемъ убѣжищѣ, ахъ! и возлѣ тебя, божественная Шарлота! Ибо она уже тебя знаетъ, и должное воздаетъ тебѣ приношенїе, приношенїе непринужденное; слушаетъ съ удовольствїемъ мои о тебѣ похвалы, тебя любитъ —

Увы! Для чего я не у ногъ твоихъ въ любезнѣйшемъ твоемъ покоѣ, между тѣмъ какъ возлюбленные наши дѣти рѣзвятся и прыгаютъ около насъ! И когда шумъ ихъ тебѣ наскучилъ, я бы расказывалъ имъ сказочку, и они тѣсни-

снились бы около меня въ молчанiи. Солнце заходитъ подъ горизонтъ, и послѣдними лучами освѣщаетъ снѣжныя поля. Метель утихла, а я опять возвратиться долженъ въ свою клѣтку. Прости! У тебя ли Албертъ? И какъ —? Безумный! Что ты ето вопрошаешь?

ПИСЬМО XLIII. Февраля 17.

Мнѣ кажется, что мы долго не уживемся съ Министромъ. Онъ человѣкъ самый несноснѣйшiй. Способъ его въ производствѣ и отправленiи дѣлъ такъ странен, что я не могу удержаться, чтобы ему въ томъ не противурѣчить, и иногда предлагать по своему, а онъ также не упускаетъ случаю хулить сдѣланнаго мною. Недавно писалъ онъ о семъ съ жалобою ко двору, и я получилъ отъ перваго Министра за то выговоръ, хотя и небольшой, однако все выговоръ, и хотѣлъ было уже просить

сить отставки, какъ между тѣмъ вручили мнѣ отъ него особливое письмо (*), письмо, предъ коимъ палъ я на колѣни, и покланялся премудрости, величеству и благородству разума, который оное писалъ. Какъ успокоеваетъ онъ чрезмѣрную мою чувствительность! какъ высоко цѣнитъ мои предприятія, могущія быть полезными! какъ вникаетъ въ дѣла и мысли молодаго и предпріимчиваго человѣка! какъ уговариваетъ меня не утолять, но умѣрять и ограничивать мои движенія, дабы оныя могли производить надлежащее дѣйствіе! Я теперь ободренъ и самъ собою доволенъ, по крайней мѣрѣ на недѣлю. Нѣтъ приятнѣе вещи, другъ мой, какъ спокойствіе ду-

---

(*) Оное упущено здѣсь отъ почтенія къ сей превосходной особѣ, также многія и другія его письма, о коихъ ниже упомянуто будетъ, дабы благодарная публика за таковое дерзновеніе взыскивать не стала.

душевное и довольствїе съ самимъ собою, но сколь оно драгоцѣнно, столь напротивъ того и тлѣнно.

ПИСЬМО XLIV. Февраля 20.

Богъ да благословитъ васъ, любезные друзья мои, и да подастъ вамъ щастливые дни, коихъ мнѣ не предоставилъ!

Благодарю тебя, Албертъ, за твой обманъ; я и ожидалъ извѣстїя о назначенїи дня свадьбы, и въ оной то намѣренъ былъ торжественно снять со стѣны портретъ Шарлотинъ и погребсти его между протчими моими бумагами. Но вы уже сочетаны, а портретъ ея еще здѣсь! Пусть онъ такъ и останется! Да и для чего бы ему и не остаться? Развѣ я отдѣленъ отъ васъ? и не занимаю мѣста въ Шарлотиномъ сердцѣ? Ты можешь позволить, чтобы я былъ въ немъ вторымъ помѣщенъ, я хочу и долженъ сїе соблюсти;

инако жизни бы лишился, еслибъ она могла забыть — Албертъ, мысль сїя представляетъ мнѣ свирѣпый адъ. Албертъ, будь щастливъ! Ангелъ небесный, Шарлота, будь благополучнѣйшая изъ смертныхъ!

ПИСЬМО XLV. Марта 15.

Мнѣ случилась такая досада, которая меня безъ сомнѣнїя отсюда выгонитъ. Я взбѣшенъ до безумїя. Передѣлать же етого никакъ не льзя, а всему етому злу вы одни виноваты, вы которые ко мнѣ приступали, мучили, терзали, чтобы я вступилъ въ должность, со всемъ мнѣ несродную. Теперь то я хорошь, да не худы и вы. Но не скажи опять, что пылкость моего нрава все портитъ, какъ ты обыкновенно говоришь, прибавя къ тому: вотъ, государь мой, простая и ясная повѣсть, каковой и исправнѣйшїй лѣтописецъ лутче расказать не можетъ.

Графъ

Графъ С — меня любитъ и отличаетъ; сіе всѣмъ извѣстно, и сто разъ уже тебѣ было мною говорено. Вчера я у него обѣдалъ, а послѣ полудня собралось къ нему все знатное дворянство на вечеринку, по тому что оный день былъ къ тому назначенъ; но я со всемъ етого не зналъ, а и того менше думалъ, что наша братья подчиненные къ оной приглашены не бываютъ. Нужды нѣтъ. Я обѣдалъ у Графа, и вставъ изъ за стола пошли мы въ залъ и расхаживая по оному, поразговорились съ нимъ и Полковникомъ Б —— а между тѣмъ часъ съѣзда нечувствительно наступилъ. Богъ свидѣтель, я не имѣлъ никакого намѣренія! Пріѣзжаетъ высокопочтенная, высокомилостивая госпожа С — съ супругомъ своимъ и благовоспитанною своею дщеріею, имѣющею плоскую грудь и щегольскій станъ. Они прошли мимо меня съ надменнымъ видомъ и вздер-

нувъ носъ къ верху. А какъ таковые поступки для меня весьма несносны, я тотъ часъ хотѣлъ было выттии; и ждалъ только пока Графъ освободится отъ скучнаго ихъ болтанія, чтобы ему откланяться, какъ между тѣмъ вошла любезная моя дѣвица Б — Сіе принудило меня остаться, по тому что я всегда взираю на нее съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Я сталъ за ея стуломъ, началъ съ нею разговаривать и примѣтилъ, спустя нѣсколько времени, что она не такъ вольно со мною говорила какъ прежде, но съ нѣкоторымъ принужденіемъ. Ето меня весьма тронуло. Что за діавольщина, думалъ я самъ въ себѣ, развѣ и она такова же, какъ и тѣ? Досадуя на сіе хотѣлъ было уйти, но желая узнать въ тонкость дѣло, опять остановился. На ту пору всѣ гости уже собралися, и между протчими пріѣхали Баронъ ф — въ томъ одѣяніи, которое онъ

дѣлалъ

дѣлалъ къ коронацiи Францiска I, также Надворной Совѣтникъ съ глухою и старою своею женою, и г. I — коего старинный Готѳскiй нарядъ составлялъ съ нынѣшнимъ отличностiю своею весьма прiятное зрѣлище.

Я разговаривалъ съ нѣкоторыми моими знакомыми, коихъ отвѣты были весьма кратки. Я думалъ — и обратилъ все свое вниманiе на дѣвицу Б — такъ что и не примѣтилъ того, что женщины въ концѣ зала между собою перешептывались, что шептанье сiе доходило уже и до мущинъ, и что госпожа С — съ великимъ жаромъ говорила съ Графомъ (какъ то все сiе обьявила мнѣ послѣ того дѣвица Б — пока на конецъ Графъ отведши меня за руку къ окну сказалъ мнѣ: тебѣ извѣстны глупые наши обряды; я вижу, что собранiе недовольно тѣмъ, что ты здѣсь; я бы не для чего на свѣтѣ не хотѣлъ — Извините меня,

Ваше Сіятельство, продолжалъ я, мнѣ надлежало бы прежде о семъ догадаться; но я увѣренъ, что вы отпустите мнѣ сію неосторожность. Правда, примолвилъ я, съ улыбкою при прощаніи съ нимъ, я было и хотѣлъ съ начала откланяться, но самъ не знаю, что меня поудержало. Графъ пожалъ мою руку съ такимъ видомъ, которой изъявлялъ мнѣ всю его чувствительность, а я поклонясь всему знатному собранію, сѣлъ въ свою колясочку и поѣхалъ за городъ въ М — смотрѣть тамъ съ холма на закатъ солнца и утѣшаться величественными пѣсьнями Омира объ угощеніи Улиса, владѣтеля Ифакскаго нѣкоимъ добродѣтельнымъ пастухомъ.

Въ вечеру пріѣхалъ я опять къ Графу на ужинъ. Вошедъ въ гостиную, засталъ еще нѣкоторыхъ гостей, которые поднявъ уголъ скатерти накрытаго стола, играли въ кости. На ту пору пришелъ

шелъ А —— человѣкъ добрый, которой увидѣвъ меня, ко мнѣ подошелъ и сказалъ тихонько: я слышелъ, что ты обиженъ —— Я? —— Графъ велѣлъ тебя вывести изъ собранія. Продолжалъ онъ —— Чортъ ихъ возьми, примолвилъ я, я радъ былъ, что вышелъ на свѣжій воздухъ —— А я радъ, прервалъ онъ, что ты принимаешь сіе съ такою холодностію, но жаль, что объ етомъ уже вездѣ толкуютъ иначе — Тогда и мнѣ приключеніе сіе показалось со всемъ другимъ. Всѣ бывшіе за столомъ на меня глядѣли, и я приписывалъ сіе оному произшествію! Горесть обьяла мое сердце.

Теперь куда я ни приду, вездѣ слышу сожалѣніе о себѣ, а съ другой стороны радость своихъ завистниковъ, которые говорятъ: ето впередъ наука для надменныхъ тварей, которыя пренебрегаютъ обычаями, и не по мѣрѣ подымаютъ носъ, и другія оказываютъ подоб-

ныя грубости. Таковые слухи произают мое сердце. И такъ, чтобы мнѣ ни говорили о твердости духа, я ни чему не повѣрю, и желалъ бы видѣть, кто бы стерпѣлъ сїе, чтобы невѣжи его злословили, и брали бы надъ нимъ верхъ. Правда, если ихъ слова ничего не значатъ, то оныя легко можно пускать мимо ушей.

ПИСЬМО XLVI. Марта 16.

Всѣ обстоятельства до крайности меня приводятъ! Сего дня встрѣтился я съ дѣвицею Б —— въ аллеѣ, и не могъ удержаться, чтобы не подойти къ ней и не изъяснить моей чувствительности о перемѣнномъ ея со мною поступкѣ. Ахъ! Вертеръ, сказала она мнѣ съ прискорбнымъ видомъ, можешь ли ты такъ не право судить о тогдашнемъ моемъ замѣшательствѣ, знавъ толь коротко мое сердце? Я внутренно за тебя терзалась, какъ скоро вошла въ

го-

гостиную комнату, предвидя чему воспослѣдовать надлежало, и тысячу разъ хотѣла тебя о томъ предупредить, зная, что госпожа фонъ С — и Т — со своими мужьями сами скорѣе уѣдутъ, нежели позволятъ тебѣ быть въ своемъ обществѣ, и что Графу не льзя ихъ не уважить, а теперь слухи —— Какїе, спросилъ я, скрывая мое смущенїе? Ибо слышанное мною на канунѣ отъ Аделина тотъ часъ пришло мнѣ на мысль, и глаза у меня кровью затекли — Ахъ! какъ дорого это мнѣ стоитъ, продолжала со слезами сїя любви достойная дѣвица! Я не опомнился, и хотѣлъ броситься къ ея ногамъ; но ради Бога, скажите пояснѣе, вскричалъ я. Слезы текли у нее по щекамъ, я былъ внѣ себя. Она отирала оныя, не стараясь скрывать ихъ отъ меня. Ты знаешь мою тетушку, продолжала она; она тутъ же была, но съ какимъ видомъ смотрѣла она на сїе произше-

ствïе! Ахъ! Вертеръ! какïя колкïя укоризны вытерпѣла и вчерашнïй и нынѣшнïй день, за мои съ тобою разговоры? Я по неволѣ слушала всѣ ея нареканïя, и не смѣла тебя защищать, какъ только весьма слабо.

Каждое ея слово пронзало, какъ ножъ острый, мое сердце. Она не понимая того, что отъ сожалѣнïя ко мнѣ должна была все оное отъ меня скрыть ... но вы, присовокупила къ тому и тѣ ругательства, которыя о семъ еще впредь воспослѣдовать могутъ, также и сïе какъ злодѣи мои надо мною торжествовать станутъ и какъ веселятся они теперь, что честолюбïе мое и малое уваженïе къ другимъ наказаны, въ чемъ меня многïе часто укоряли. Сïе то обьявила она мнѣ съ чувствительнѣйшимъ выраженïемъ. Я былъ въ крайнемъ смущенïи, ярость мною и теперь обладаетъ. Желалъ бы я, чтобы кто нибудь дерзнулъ надо мною

симъ

симъ посмѣяться, дабы вонзить ему въ грудь свою шпагу! Мнѣ кажется, что проливъ кровь, былъ бы я спокоенъ. Ахъ! сто разъ хватался я за кинжалъ, чтобы растворить рану и дать свободное теченіе воздуху къ сему стѣсненному сердцу. Ибо расказываютъ о нѣкоторыхъ лошадяхъ, что онѣ разгорячась скорымъ бѣгомъ, прокусываютъ сами себѣ жилу, дабы свободнѣе дышать. Такъ и я не рѣдко покушаюсь отворить себѣ жилу, чтобы успокоиться на вѣки.

ПИСЬМО XLVII. Марта 24.

Я писалъ ко двору объ увольненіи меня, которое вскорѣ получить надѣюсь; и вы меня простите, что я о семъ прежде съ вами не посовѣтовался. Мнѣ на конецъ надлежало непремѣнно отсюда выѣхать; я же зналъ, что вы уговаривать станете, чтобы остаться, и для того — прошу тебя,

какъ возможно осторожнѣе увѣдоми о семъ мою матушку, я самъ не знаю, что мнѣ съ собою дѣлать, такъ могу ли я ей пособить? Она безъ сомнѣнія симъ извѣстіемъ огорчится, когда узнаетъ, что толь нечаянным случаемъ пресѣкается путь къ щастію ея сыну, которому съ начала прямо слѣдовало бы быть Тайнымъ Совѣтникомъ, а потомъ заступить посланничье мѣсто. Разсуждайте о семъ какъ хотите, и исчисляйте всѣ причины, которыя бы меня удержать долженствовали, однако я отъѣзжаю, но чтобы вы знали куды, то скажу вамъ, что здѣсь есть Князь фонъ . . которому я весьма полюбился, и которой свѣдавъ о моемъ намѣреніи, зоветъ меня съ собою на весну въ деревню. Онъ обѣщалъ мнѣ совершенную свободу, и какъ мы уже во всемъ, окромѣ одного, съ нимъ договорились, то я отваживаюсь попытать щастія, и отправиться съ нимъ.

ПИСЬМО XLVIII. Апрѣля 19.

Благодарю тебя за оба твои письма. Я не отвѣчалъ вамъ на оныя, покуда не получилъ увольненія отъ двора, опасаяся, чтобы матушка не прибѣгнула съ прозьбою къ Министру и не уничтожила бы моего предпріятія. Но теперь дѣло уже сдѣлано, и я посылаю при семъ мой атестатъ. Въ протчемъ не хочу обьявить вамъ, съ какимъ сожалѣніемъ оный мнѣ данъ, ни того, что писалъ ко мнѣ Министръ, дабы не возобновить вашего соболѣзнованія. Наслѣдный Принцъ пожаловалъ мнѣ двадцать пять червонцовъ при записочкѣ, которая меня до слезъ привела. И такъ теперь не нужны мнѣ тѣ деньги, коихъ я просилъ у матушки.

ПИСЬМО XLIX. Майя 5.

Я завтра со всемъ отправлюсь, и какъ мѣсто моего рожденія находится въ шести только миляхъ въ сторону

рону отъ дороги, то намѣренъ оное посѣтить и привести себѣ на память тѣ щастливые дни моей юности, которые какъ будто во снѣ прошли. Я нарочно въѣду тѣми самыми воротами, которыми матушка выѣхала со мною оттуда по кончинѣ батюшкиной, оставляя любезное оное убѣжище, и переселяясь въ несносный вашъ городъ. Прости, другъ мой, ты конечно будешь увѣдомленъ о моемъ путешествіи.

ПИСЬМО L. Майя 9.

Я окончилъ свое путешествіе къ мѣсту моего рожденія съ усердіемъ свойственнымъ Пелегрину, и никакъ не ожидалъ, чтобы видъ онаго произвелъ во мнѣ такія чувства. За версту отъ города близъ большой липы, я вышелъ изъ коляски, и отпустилъ оную въ передъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ, чтобы свободнѣе и живѣе воспользо-

зоваться напоминовенїемъ прошедшихъ дней. Тутъ я подъ сею липою становился, бывшею прежде цѣлью и предѣломъ моихъ прогулокъ. Ахъ какъ все перемѣнилось! Тогда въ щастливомъ моемъ невѣжествѣ воздыхалъ я по неизвѣстномъ мнѣ свѣтѣ; въ коемъ надѣялся найти всѣ сладости, толь желаемыя моимъ сердцемъ. Теперь возвратился я изъ сего привлекательнаго свѣта, но чтожъ я привезъ изъ него? —— О другъ мой! обманутую надежду и намѣренїя неудачны —— Я осматривалъ горы, которыя были предо мною, и вспомнилъ колико кратъ были онѣ предмѣтомъ моихъ желанїй. Тогда просиживалъ я по нѣскольку часовъ глядя на нихъ, и посвящалъ себя лѣсамъ и лугамъ, которые представлялись мнѣ въ приятнѣйшемъ видѣ, осѣненные прохладною тѣнью —— и съ какою опять досадою оставлялъ ихъ, когда проходили часы отдохновенїя!

При-

Приближась къ городу, привѣтствовалъ я всѣ знакомые мнѣ садики и бесѣдки, но заведенные вновь мнѣ не понравились, также и другія предпринятыя перемѣны. На конецъ вошелъ я въ вороты и почувствовалъ въ себѣ со всемъ другую перемѣну. Однако я не намѣренъ, любезный другъ, входить въ подробности, сколь оныя для меня восхитительны были, по тому что таковое повѣствованіе было бы только повтореніемъ прежняго. Желаніе мое было жить на площади возлѣ стараго нашего дому; вошедъ въ оной увидѣлъ, что комната, въ которой мы учились подъ смотрѣніемъ почтенной нашей старушки, передѣлана въ лавку Тогда пришли мнѣ на мысль слезы, тоска и принужденіе, испытанныя мною въ сей клеткѣ —— Каждый шагъ былъ для меня примѣчателенъ, и восхищеніе мое было безподобно —— Каждый взглядъ раждалъ тысячу воображеній.

нїй. Я спустился по рѣкѣ къ загородному дому, которой былъ также любимымъ моимъ гуляньемъ и осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ прежде съ товарищами моими забавлялся, бросая плоскїе камышки въ воду — чей лутче выпрыгивать станетъ. Вспомнилъ при томъ и сїе, какъ иногда стоя на берегу провожалъ глазами теченїе рѣки въ нѣкоторыхъ странныхъ мысляхъ о тѣхъ земляхъ, которыя она напоять должна; но воображенїе мое скоро достигало своихъ предѣловъ, а вода непрестанно текла далѣе, пока взоръ со всемъ терялся въ безконечной отдаленности. Скажи, другъ мой, не точно ли такое было мнѣнїе и достопочтенныхъ нашихъ предковъ? Когда Улисъ называетъ море неизмѣримымъ, а землю безпредѣльною, не справедливо ли, не естественно ли, и непонятнѣе ли его слова, нежели понятїя нынѣшнихъ учениковъ, которые за высочайшую щитаютъ пре-

премудрость, ежели подражая своимъ наставникамъ, могутъ сказать, что видъ земли есть круглый?

Теперь я съ Княземъ въ одномъ охотничьемъ его дворѣ. Сей господинъ прямо искренняго и откровеннаго сердца, и я еще имъ весьма доволенъ. Иногда не нравится мнѣ въ немъ одно то, что онъ часто говоритъ о вещахъ, о которыхъ только читалъ или слышилъ отъ другихъ, и при томъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они ему ихъ представляли.

Сверхъ сего досадно мнѣ, что онъ больше почитаетъ мой разумъ и знанiе, нежели сердце, въ коемъ все мое честолюбiе ограничивается и которое есть источникъ всего щастiя и нещастiя. Увы! всякъ можетъ быть такъ знающъ и ученъ какъ я, но сердце мое на свѣтѣ только одно.

ПИСЬМО

ПИСЬМО LI. Майя 25.

Я имѣлъ намѣренїе, которое хотѣлъ отъ васъ скрыть, пока не произведу онаго въ дѣйство, но какъ мнѣ того сдѣлать не удалось, то теперь могу вамъ о семъ объявить. Я хотѣлъ вступить въ военную службу. Сїе давно уже было у меня на умѣ, и особливо понудило меня ѣхать съ Княземъ, которой Генераломъ въ —. Я открылъ ему сїе намѣренїе прогуливаяся съ нимъ, но онъ столь основательно оное опровергнулъ, что развѣ бы я былъ сумашедшїй, что бы не призналъ представленїй его самыми справедливѣйшими

ПИСЬМО LII. Іюня 11.

Говори, что хочешь, я не могу долѣе здѣсь быть. Что мнѣ дѣлать? Скука меня съѣдаетъ. Правда, Князь обходится со мною какъ съ равнымъ себѣ, но я не въ духѣ. Сверхъ сего мы ничего между

ду собою сходнаго не имѣемъ. Онъ человѣкъ разумный, однако разумъ его обыкновенный; разговоръ его столько же меня занимаетъ, сколько хорошая книга. Еще пробуду я здѣсь недѣлю; по томъ опять поѣду странствовать. Все, что сдѣлалъ я тутъ наилутчее, состоитъ въ моихъ рисункахъ. Князь довольно имѣетъ вкусу въ художествѣ, и больше бы еще имѣлъ онаго, если бы не столько прилѣплялся къ пустымъ правиламъ и выраженіямъ. Иногда крайне досадую на него, что когда я представлю ему съ живѣйшимъ выраженіемъ въ одной картинѣ и искуство и природу, то онъ все знаніе свое полагаетъ въ томъ, чтобы выговорить только нѣсколько ученыхъ словъ, какъ знающій художникъ.

ПИСЬМО LIII. Іюля 18.

Куды я ѣду? скажу тебѣ сіе за тайну. Я здѣсь пробуду еще двѣ

двѣ недѣли, по томъ отправлюсь къ рудокопнымъ заводамъ — которые мнѣ давно уже хотѣлось видѣть. Но ето пустой только предлогъ; мнѣ хочется приближиться къ Шарлотѣ, и все тутъ. Я самъ смѣюсь надъ моимъ сердцемъ — однако исполняю его волю.

ПИСЬМО LIV. Іюля 29.

Нѣтъ, ето хорошо, и все хорошо! Мнѣ быть ея мужемъ! О боже, создавый мя! еслибъ ты предопредѣлилъ мнѣ сіе блаженство, жизнь моя была бы непрестаннымъ тебѣ возблагодареніемъ! Но я не ропщу противу твоихъ опредѣленій. Отпусти мнѣ мои слезы! отпусти суетныя мои желанія — Чтобы она была моею супругою! Если бы я имѣлъ въ объятіяхъ моихъ возлюбленнѣйшее во всей подсолнечной созданіе — Другъ мой, я весь дрожу, когда Албертъ ее обнимаетъ.

Ска-

Сказать ли мнѣ свое мнѣніе? Да для чегожъ не сказать? Она бы мною щастливѣе была, нежели имъ. Ибо Алберту ли исполнить всѣ ея желанія? Ему недостаетъ нѣкоторой чувствительности, не достаетъ — Думай, что хочешь, а сердца ихъ не одной струной натянуты — Ахъ! другъ мой, сколько разъ при чтеніи какого нибудь нѣжнаго писателя, сердце мое и Шарлотино встрѣчались на одномъ мѣстѣ! Сколько разъ, разсуждая о чьемъ нибудь положеніи, мысли наши всегда были сходны! Но онъ ее любитъ отъ всего сердца, а такова любовь чего не заслуживаетъ? —

Несносный гость помѣшалъ мнѣ продолжать. Я отеръ свои слезы. Я очень замѣшанъ. Прости, любезный другъ!

ПИСЬМО LV. Августа 4.

Не одинъ я нещастливъ. Всѣ люди обманываются въ своей надеждѣ и погрѣшаютъ въ своемъ ожи-

ожиданіи. Я посѣтилъ привѣтливую свою молодку, которой дѣти столь мнѣ полюбились. Старшій ея сынъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и радостнымъ своимъ крикомъ вызвалъ свою мать, которая казалась весьма печальною. Она увидѣвъ меня первое проговорила: Ахъ, благодѣтель нашъ! вить Ванюшенька нашъ умеръ: (такъ назывался меньшой ея сынъ). Я промолчалъ —— А мужъ мой, продолжала она, возвратился съ ничемъ; онъ занемогъ лихорадкою, и если бы добрые люди его не призрѣли, то принужденъ бы былъ продолжать путь свой подаяніемъ. Я не могъ отвѣчать ей ни слова, но мальчику далъ нѣсколько денегъ; она поднесла мнѣ яблоковъ, которыя я принялъ, и съ прискорбіемъ оставилъ сіе мѣсто.

ПИСЬМО LVI. Августа 21.

Чувствованія мои подобны сверкающей молніи. Иногда возсіяетъ

лучъ

лучь радости, которой кажется хочетъ меня оживить. Но увы! онъ то же мгновеніе исчезаетъ! Когда я въ пустыхъ своихъ мечтаніяхъ забываюсь, всегда приходитъ мнѣ на мысль сіе желаніе: если бы Албертъ умеръ! Ты бы? — Да она — тогда гоняюсь я за сею мечтою, пока оная приведетъ меня къ такой пропасти, отъ которой съ трепетомъ отбѣгаю.

Когда выхожу тѣми воротами, и пробѣгаю дорогу, по которой въ первый разъ заѣзжалъ я за Шарлотою, сердце мое стѣсняется, и съ досадою нахожу, какъ я несходенъ съ тѣмъ, каковымъ тогда былъ! Все перемѣнилось, все изчезло, и прежнія мои чувства, и самое біеніе сердца! Состояніе мое уподобляется состоянію тѣни Государя, который оставивъ въ наслѣдіе сыну своему огромныя сданія, сооруженныя имъ въ щастливое его царствованіе, но пришедъ

опять

опять на землю, увидѣлъ бы оныя разоренными сильнѣйшимъ сосѣдомъ.

ПИСЬМО LVII. Сентября 3.

Иногда не понимаю я, какъ она можетъ и какъ смѣетъ другаго любить, когда я образъ ея ношу въ моемъ сердцѣ, когда имъ однимъ только занимаюсь, ее одну знаю, одну вижу и одну всему предпочитаю на свѣтѣ.

ПИСЬМО LVIII. Сентября 6.

На силу распался я съ синимъ фракомъ, которой былъ на мнѣ, когда я въ первый разъ увидѣлся и танцовалъ съ Шарлотою: его не можно было уже больше носить. Но я точно сдѣлалъ другой такойже съ желтымъ камзоломъ и исподнимъ платьемъ.

Однако онъ со всемъ не такъ дѣйствуетъ надо мною, какъ прежній. Не знаю — Но надѣюсь, что со временемъ онъ также будетъ мнѣ милъ.

ПИСЬМО LIX. Сентября 15.

Не льзя не взбѣситься, другъ мой, помысля какъ Богъ терпитъ на землѣ, тѣхъ презрительныхъ тварей, кои не чувствуютъ и не понимаютъ того, что трогаетъ другихъ. Ты знаешь тѣ два орѣховыя дерева, подъ коими я сидѣлъ съ Шарлотою у Пастора С — Сїи прекрасныя дерева, толь возлюбленныя моему сердцу, сколь великолѣпно украшали дворъ! какая была отъ нихъ прохлада! какая величественная тѣнь! съ какою чувствительностїю приводили онѣ на мысль тѣхъ добродѣтельныхъ Пасторовъ, которые ихъ посадили! Школьный учитель часто называлъ по имени того, которой посадилъ изъ нихъ большое; онъ слышалъ объ немъ отъ своего дѣда, и сказываетъ, что онъ былъ человѣкъ достойный, и память его тутъ всегда представлялась мнѣ свято. Другъ мой, вчера учитель

сей

сей со слезами насъ увѣдомилъ, что оныя деревья срублены — срублены! Я бы убилъ того бѣшенаго въ ярости, которой первой ихъ нарубилъ. Я, которой бы не снесъ и того, еслибы одно изъ таковыхъ деревъ засохло у меня во дворѣ само собою, чтобъ сталъ сносить такое поруганіе! Однакожъ, другъ мой, есть еще отрада. О чувствительность человѣческая! Вся деревня такъ на сіе ропчетъ, что надѣюсь Пасторъ не получитъ отъ своихъ прихожанъ ни малѣйшаго припасу, и раскается о своемъ дерзновенномъ поступкѣ. Ибо ето сдѣлала жена новопоставленнаго Пастора (а старикъ нашъ любезный умеръ) тварь высокая и чахлая, и ни чемъ на свѣтѣ неуважающая, по тому что никто ею не уважаетъ, созданіе глупѣйшее, представляющее себя ученымъ, толкующее священныя книги, вымышляющее новыя нравственныя и

критическія для Христіанства правила, ругающееся Лаватеровому восторгу, имѣющее слабое здоровье и по тому ничемъ въ жизни не утѣшающееся; таковому чудовищу одному свойственно только было свалить любезные мои деревья. Нѣтъ, я етого не могу забыть! Какія же имѣла она къ тому причины! Опадающія листья, дѣлали дворъ ея нечистымъ, деревья заслоняли ей свѣтъ, ребятишки швыряли камушками въ орѣхи, и сей звукъ ударялъ ее въ голову, и мѣшалъ ей въ глубокихъ ея размышленіяхъ, когда измѣряла она на вѣскахъ ученость Кенникота, Семлера и Милаелиса. Я увидѣвъ, что крестьяне, особливо старики, такъ на сіе негодуютъ, спросилъ ихъ, для чего же они до сего ее допустили? — Ахъ! сударь, отвѣчали они, что намъ крестьянамъ дѣлать, когда управитель приказываетъ? Но всего лутче то, что управитель и Пасторъ желая во-

спольа-

спользоваться на конецъ своенравіемъ сего изверга, вздумали дѣлить между собою деревья; однако казенная палата свѣдавъ о семъ присвоила ихъ себѣ и продала съ публичнаго торгу. Онѣ и теперь еще лежатъ на прежнемъ мѣстѣ. О еслибъ я былъ Государемъ! какъ бы я проучилъ Пастора, управителя и казенную палату! — Государемъ! — А еслибъ дѣйствительно онымъ былъ, можетъ быть ни мало бы не думалъ о цѣлыхъ лѣсахъ въ своемъ государствѣ.

ПИСЬМО LX. Октября 10.

Все мое блаженство состоитъ въ томъ, чтобы видѣть только черныя ея глаза! Но я досадую на то, что Албертъ кажется не такъ щастливымъ, какимъ быть онъ надѣялся — каковымъ бы я — еслибъ — хотя и не люблю сего слова *еслибъ*, однако въ семъ случаѣ не могу иначе изъясниться — и мнѣ

кажется, что я довольно вразумителенъ.

ПИСЬМО LXI. Октября 12.

Оссїанъ занимаетъ въ моемъ сердцѣ мѣсто Омира. Что за свѣтъ, въ коемъ сей славный мужъ меня водитъ! Я скитаюсь по степямъ, обуреваемъ вихремъ и окруженъ туманомъ, изъявляющимъ тѣни нашихъ предковъ при слабомъ сїянїи луны; слышу съ высоты горъ среди ревущихъ ключей жалостный стонъ духовъ исходящїй изъ мрачныхъ пещеръ, и горестный вопль юной дѣвицы терзающейся смертельно у камня обросшаго уже мхомъ на могилѣ возлюбленнаго ея воина! Встрѣчаюсь иногда съ симъ почтеннымъ сѣдиною старикомъ, которой странствуетъ по полямъ и ищетъ слѣдовъ своихъ предшественниковъ, но увы! онъ находитъ только ихъ гробы! Тогда возрыдавъ горько, взираетъ онъ на ночное свѣтило, погружающееся въ волнахъ свирѣпствующаго

го моря, и времена прошедшія живо начертаваются въ душѣ сего героя, времена въ которыя презиралъ онъ мужественно опасности и луна освѣщала увѣнчанный и побѣдоносный его корабль на задъ идущій. Когда такимъ образомъ вижу на челѣ его глубочайшую печаль и изнеможенную его славу шатающуюся уже у краю гроба; когда онъ непрестанно мучится томленіемъ духа, видя предстоящія предъ собою слабыя тѣни своихъ прародителей, и устремивъ взоръ свой на холодную землю, долженствующую покрыть его тѣло, горестно вопіетъ: Боже мой! придетъ путникъ, придетъ тотъ, которой зналъ меня во всей моей красотѣ, и станетъ спрашивать: гдѣ сей Барсъ, гдѣ славный Барсъ сынъ Фингала? онъ попретъ мой прахъ и тщетно искать меня будетъ на землѣ — ахъ! другъ мой, когда сіе воображу, тотъ же бы часъ какъ вѣрный рабъ выхватилъ

тилъ кинжалъ и избавилъ бы своего Государя отъ жесточайшаго терзанія продолжительно угасающей его жизни , а по томъ пронзилъ бы онымъ и свою грудь и послѣдовалъ бы за симъ полубогомъ , котораго рука моя восхитила.

ПИСЬМО LXII. Октября 19.

Ахъ! какая это пустота! какая страшная пустота, которую я самъ въ себѣ чувствую! Часто воображаю я — еслибъ хотя одинъ разъ, одинъ только разъ прижалъ ее къ своему сердцу , то бы со всемъ исцѣлился!

ПИСЬМО LXIII. Октября 26.

Я увѣренъ , любезный другъ , часъ отъ часу больше увѣренъ , что бытіе всякой твари ничего не значитъ, со всемъ ничего не значитъ. Къ Шарлотѣ пришла приятельница ; я вышелъ въ другую комнату за книгою ; но не могши оной читать , принялся за перо.

Я слышилъ ихъ разговаривающихъ тихонько между собою о городскихъ новизнахъ, какъ то: одна идетъ за мужъ, другая больна, и очень больна, у нее сухой кашель и частые обмороки, она не выздоровѣетъ сказала гостья; г. И. также весьма не здоровъ, примолвила Шарлота; у него уже опухоль показалась, продолжала другая. Я слыша сїе тотъ часъ кидался мысленно къ постели сихъ нещастныхъ, и видѣлъ съ какимъ супротивленїемъ борются они противу наступающей смерти — Другъ мой, и сїи двѣ добрыя приятельницы разговаривали о семъ какъ обыкновенно говорятъ о смерти посторонняго человѣка — но когда окину глазами комнату, въ коей теперь нахожусь, и увижу на столикѣ ея платья, ея серги, Албертовы бумаги, и сїи уборы, которые мнѣ всѣ такъ знакомы даже и сїя чернильница изъ коей къ тебѣ пишу, то самъ себѣ говорю: Смотри, какъ тебя въ етомъ до-

мнѣ любятъ! друзья твои тебя почитаютъ! ты часто составляешь все ихъ удовольствїе, и сердце твое кажется не можетъ быть безъ нихъ, однако — если ты теперь отъ нихъ отлучишься? Если покинешь сїе семейство, почувствуютъ ли они пустоту, которую оставитъ имъ твоя разлука въ ихъ судьбѣ? и какъ долго? — Такова то есть тлѣнность человѣческая, что тамъ, гдѣ онъ наибольше чувствуетъ свое бытїе, гдѣ присутствїе его сильнѣйшее производитъ впечатлѣнїе въ душѣ возлюбленныхъ его, тамъ онъ уничтожается — и столь скоропостижно!

ПИСЬМО LXIV. Октября 27.

Часто покушаюсь я пронзить себѣ грудь, или прострѣлить лобъ, когда помышляю, сколь мало мы другъ для друга дѣлать можемъ. Никто не въ состоянїи внушить мнѣ любви, радости и жару, котораго во мнѣ нѣтъ, равномѣрно

и я со всею моею нѣжностїю не могу сдѣлать щастливымъ того, который смотритъ на меня съ холодностїю.

ПИСЬМО LXV. Октября 30.

Сто разъ покушался я кинуться къ ней на шею. Ибо Богъ знаетъ, какое мученїе можетъ сравниться съ тѣмъ, которымъ терзается человѣкъ когда видя толикїя предъ собою прелести, не смѣетъ къ онымъ коснуться! прикосновенїе же кажется есть врожденное въ насъ чувство. Ибо дѣти не ко всему ли прикасаются, что только они видятъ! А я! —

ПИСЬМО LVI. Нолбря 3.

Боже мой! колико кратъ метался я въ постелю съ желанїемъ, а иногда и съ надеждою на вѣки съ оной не встать? Но по утру пробуждаюсь, вижу опять свѣтъ, а съ нимъ и свое нещастїе. Ахъ! для чего я не ипо-

хондрикъ, для чего не могу приписать мученія своего или непогодѣ, или неудачливому предпріятію, или гоненію злодѣя! Тогда бы тяжкое бремя неудовольствія не на одного на меня низпадало. Но о горе! я чувствую, что я самъ всему тому злу виновникъ — сердце мое, бывшее прежде источникомъ утѣхъ, заключаетъ теперь корень всѣхъ напастей. Не тотъ ли я самой, которой утопалъ въ однѣхъ только пріятнѣйшихъ чувствованіяхъ, которой при каждомъ шагѣ видѣлъ во кругъ себя рай, и плѣнялся красотою всея подсолнечной? И сіе сердце теперь уже истлѣло, и не истекаетъ изъ него никакихъ больше восторговъ, глаза мои изсякли, и чувства мои не прохлаждаясь болѣе радостными слезами изсушаютъ мой разумъ! Страданіе мое безподобно, по тому что лишился я послѣдней въ жизни отрады, тѣхъ силъ, которыя около меня всегда раждали новые

вые предмѣты. Онѣ исчезли! —
Когда смотрю изъ окна на отдаленные пригорки, и вижу, что утренная заря прогоняетъ туманъ и освѣщаетъ луга; тихая рѣка извивается около безлиственныхъ ивъ, и сїя величественная природа представляется глазамъ моимъ въ великолѣпнѣйшемъ видѣ; сердце мое ничемъ онымъ не возбуждается, взоръ мой омрачается, чувства мои нѣмеютъ! Колико кратъ повергался я предъ Творцемъ и просилъ: Господи даждь мнѣ слезы, подобно какъ бѣдный земледѣлецъ молитъ небо о ниспосланїи прохладныя росы засохшимъ своимъ нивамъ!

Но ахъ! я вижу ясно, что Богъ не ниспосылаетъ ни дождя, ни солнца тѣмъ, коихъ молитвы ему неугодны. Для чего же сїи времена, коихъ каждое мгновенїе теперь меня мучитъ, были тогда столь святы? Для того, что съ терпѣнїемъ ожидалъ благости Всевышняго,

и съ благодарнымъ сердцемъ принималъ оную.

ПИСЬМО LVII. Ноября 8.

Съ какимъ вниманїемъ, съ какою ласкою оговариваетъ она меня въ моей неумѣренности! Въ неумѣренности, по тому что я для разогнанїя своей тоски, началъ пить болѣе обыкновеннаго. Оставь это, говоритъ она; думай лутче всегда о Шарлотѣ — Думать о Шарлотѣ! отвѣчаю я, сей совѣтъ мнѣ не нуженъ. Я думаю — Нѣтъ, я не думаю! Ты всегда въ моемъ сердцѣ. Сего дня сидѣлъ я на томъ мѣстѣ, гдѣ ты недавно вышла изъ кареты — Она тотъ часъ перемѣнила рѣчь, дабы не дать мнѣ далѣе о семъ распространиться. Любезный другъ, я ничего не значу; она дѣлаетъ изъ меня что хочетъ.

ПИСЬМО LXVIII. Ноября 15.

Благодарю тебя, другъ мой, за искренное твое обо мнѣ попеченїе и

и благоразумные твои совѣты, но прошу чтобъ ты былъ спокоенъ. Оставь мое страданіе, я при всѣхъ моихъ нещастіяхъ довольно еще имѣю силъ къ перенесенію оныхъ. Ты знаешь почтеніе мое къ закону; онъ меня подкрѣпляетъ немощнаго и утѣшаетъ огорченнаго. Но надъ всѣми ли онъ равномѣрно дѣйствуетъ? Пройди пространный свѣтъ, увидишь миліоны людей, для коихъ онъ былъ ничто, и милліоны такимъ для коихъ, чтобы ни проповѣдовали, и будетъ ничто; а для меня онъ важенъ? Не самъ ли сынъ Божій изрекъ, что онъ будетъ окруженъ только данными ему Отцомъ? Если я для него не назначенъ! если оный Отецъ составляетъ меня для себя, какъ то сердце мое говоритъ! — Пожалуй, не толкуй сего инако, и не сочти за шутку, когда я тебѣ душу свою открываю; а когда не такъ, я бы охотнѣе по обыкновенію своему обо всемъ томъ молчалъ, что и

всякому столь же мало извѣстно, какъ и мнѣ. Судьба человѣческая состоитъ въ томъ, чтобы исполнить мѣру своихъ страданій, и выпить чашу — а когда чаша сія горька, на чтожъ такъ безумствовать, чтобы увѣрять противное тому? На что стыдиться мнѣ трепетать въ то страшное мгновеніе, когда все мое существо колеблется между бытіемъ и ничтожествомъ, когда тлѣнность какъ молнія сіяетъ надъ мрачною бездною будущаго чаянія, когда все около меня разрушается, и вся вселенная вмѣстѣ со мною исчезаетъ. — Се гласъ удрученной твари, чувствующей неизбѣжную свою гибель. Боже мой, Боже! вскую мя оставилъ еси? И я стыдиться долженъ сихъ выраженій, когда тотъ, который простираетъ небо яко кожу, и тотъ сіе вѣщалъ!

ПИСЬМО LXIX. Ноября 21.

Она не видитъ и не чувствуетъ того, что готовитъ мнѣ ядъ, пагуб-

губный для насъ обоихъ, и что я съ жадностїю оный глотаю. Что значутъ ласковые ея взгляды, которые она часто — нѣтъ не часто, но иногда на меня бросаетъ? ея снисхожденїе, съ которымъ принимаетъ выраженїя моихъ чувствъ ея участїе въ моемъ страданїи?

Вчера какъ пошелъ я отъ нее, она подавъ мнѣ руку сказала: прости, любезный Вертеръ — любезный Вертеръ! Сїе я въ первый разъ отъ нее слышу, и слова сїи проникли во внутренность моего сердца; я ихъ сто разъ уже повторялъ, и ложася спать проворчалъ самъ себѣ: добра ночь, любезный Вертеръ! послѣ сего самъ разсмѣялся.

ПИСЬМО LXX. Нояб̃ря 24.

Она чувствуетъ мое мученїе. Вчера засталъ я ее одну. Я не говорилъ ни слова, а она смотрѣла на меня. Образъ ея не изъявлялъ уже прелестей, ни блеску владычественной въ ней живности,

все

все сіе исчезло предЪ моими глазами. Но я видѢлЪ вЪ ней напечатлѢніе, которое меня гораздо больше поражало, напечатлѢніе сладчайшаго сострадания. АхЪ! по что не дерзнулЪ я повергнуться кЪ ея стопамЪ? По что не бросился обьять ее и не отвѢчалЪ ей нѢжнѢйшимЪ лобзаніемЪ? —— Она прибѢжала кЪ своимЪ клавирамЪ и играя на оныхЪ, припѢвала тихимЪ и приятнымЪ голосомЪ. Уста ея не были для меня никогда столь прелестны, и казалось, что оныя отворялись для принятія инструментнаго звуку, испуская только нѢжный и восхитительный онаго отголосокЪ —— АхЪ! еслибЪ могЪ я изьяснить тебѢ сіи приятства! онѢ тотЪ часЪ одержали надо мною верхЪ, и я наклонясь кЪ ней произнесЪ сію клятву: возлюбленныя уста, на коихЪ обитаютЪ прелести небесныя, никогда не дерзну и облобызать васЪ! — Однако — желалЪ бы я — ахЪ! другЪ мой, сіе

сїе значитъ положить преграду моему сердцу — насладиться симъ блаженствомъ — По томъ умереть и очистить тѣмъ беззаконія — беззаконія? —

ПИСЬМО LXXI. Нолбря 30.

Все уже совершилось, не могу притти въ себя, какое печальное зрѣлище? Сего дня — о судьба! о предопредѣленїе человѣческое!

Я ходилъ гулять во время обѣда по берегу рѣки, по тому что не имѣлъ никакого апетиту. Все было мрачно и пусто, сырой полуденный вѣтръ дулъ съ горы, темныя облака покрывали долину. Я увидѣлъ изъ дали человѣка въ худомъ и изодранномъ зеленомъ кафтанѣ, которой ползалъ между камнями и казалса, что собиралъ травы. Лишь только я подошелъ къ нему, онъ тотъ часъ оглянулся и представилъ мнѣ весьма примѣчательный видъ, ознаменованный спокой-

койною горестїю. Поелику по одѣянїю его судить было можно, что онъ человѣкъ состоянїя низкаго, и для того думалъ я, что онъ не прогнѣвается, если любопытствовать стану о его упражненїи, по чему спросилъ его : Чего ты ищешь, другъ мой ? — Цвѣтковъ, отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, — но не могу найти — Теперь уже не то время, сказалъ я съ усмѣшкою — Теперь то и время, отвѣчалъ онъ: у меня есть въ саду розы и божье дерево двухъ родовъ, одно имѣю я отъ своего отца, прочїе же вездѣ растутъ, но я другой день ихъ ищу, и не могу найти. Здѣсь всегда много цвѣтковъ всякаго роду, желтыхъ, голубыхъ, красныхъ, однако мнѣ ни одинъ еще не попадался — Я примѣтилъ въ немъ нѣчто особливое, и для того спросилъ его околичностїю: А на что тебѣ надобны цвѣтки ? Онъ приложа палецъ ко рту, и улыбаясь съ тайнымъ видомъ

домъ отвѣчалъ: не сказывай никому, я признаюсь тебѣ, что обѣщалъ любовницѣ своей пучекъ — изрядно, другъ мой, сказалъ я — О! она очень богата, продолжалъ онъ, и окромѣ цвѣтковъ всего довольно имѣетъ. Однако она любитъ ли твои цвѣтки, прервалъ я? — У нее есть и бриліанты, и корона продолжалъ онъ — Но кто она такова? — Еслибъ Генеральные штаты, говорилъ онъ, заплатили мнѣ, чемъ они должны, я бы со всемъ былъ инаковъ! — Ахъ! было благополучное для меня время! Теперь все исчезло и я — По сихъ словахъ взглянулъ онъ на небо и облился слезами. Такъ ты былъ щастливъ, спросилъ я? Увы! сказалъ онъ, по что я и нынѣ не таковъ? Тогда я былъ такъ веселъ, такъ доволенъ какъ рыба въ водѣ! Генрихъ! закричала идущая къ намъ старуха, Генрихъ, гдѣ ты? Мы тебя вездѣ ищемъ. Ступай обѣдать. Не сынъ ли ето твой, спросилъ

силъ я ее? Такъ, сударь, отвѣчала она мнѣ. Богъ послалъ мнѣ его въ наказанїе. Давно ли онъ таковъ? Какъ онъ такъ смиренъ, прервала она, еще полгода. Слава Богу, что онъ уже хотя усмирѣлъ; а прежде сего цѣлой годъ бѣсился и сидѣлъ скованой въ укротительномъ домѣ. Теперь уже никому онъ больше не вредитъ, но только все бредитъ о Короляхъ и Императорахъ. Онъ былъ весьма добраго поведенїя, и писалъ мастерски и тѣмъ доставлялъ мнѣ пропитанїе; но вдругъ началъ задумываться, слегъ боленъ горячкою, по томъ сдѣлался бѣшенымъ, а на конецъ дошелъ до такаго состоянїя, въ какомъ вы его видите. Еслибъ я вамъ раскзала, государь мой, —— Я перебивъ ея рѣчь, спросилъ: что за время, въ которое онъ толь благополучнымъ себя почиталъ? Ахъ, бѣдный дурачокъ! вскричала она съ сожалѣ-

нїемъ,

ніемъ, ето то самое время, въ которое онъ ума лишился, и о которомъ и до днесь терзается, то время, когда онъ былъ запертъ и прикованъ! — Слова сіи какъ громъ меня поразили, я далъ ей нѣсколько денегъ и поспѣшно отъ нихъ удалился.

Ты былъ щастливъ! вопіялъ я, бѣгучи въ городъ; ты былъ доволенъ, какъ рыба въ водѣ! — Боже милосердный! Ты ли предопредѣлилъ таковую судьбу смертнымъ, что они тогда только щастливы, когда еще во младенчествѣ ничего не разумѣютъ, или когда уже со всемъ лишаются разсудка! Бѣдный, я завидую твоей участи, и безпорядку твоего ума! Ты преисполненъ радостію бѣжишь въ поле за цвѣточками, для обладательницы своей — зимою — и огорчаешся тѣмъ, что оныхъ не находишь, не понимая для чего не можно ихъ найти? —

А я — я скитаюсь безъ надежды, и безъ намѣренія и возвращаюсь съ тѣмъ же — Ты воображаешь о своемъ величествѣ, ежели бъ Генеральные штаты заплатили искъ твой, и блаженъ, что бѣдствіе свое приписываетъ посторонней власти — Ты не чувствуешь! не чувствуешь того, что оное заключается въ смущенномъ твоемъ сердцѣ и повредившемся умѣ твоемъ, въ чемъ ни всѣ земные Цари пособить тебѣ не могутъ.

Да погибнетъ безъ отрады тотъ, которой ругается больному, странствующему къ отдаленнѣйшему источнику, гдѣ чая найти облегченіе, находитъ вмѣсто того умноженіе своихъ недугъ и мучительную кончину; да погибнетъ смѣющійся надъ человѣкомъ, который для утоленія угрызеній своея совѣсти, и для прекращенія душевнаго томленія шествуетъ по обѣщанію къ святымъ мѣстамъ!

Его

Его не устрашаетъ непроходный и терніемъ покрытый путь, и каждый шагъ, хотя и обдираетъ ему ноги, оживляетъ смущенную его душу, и облегчаетъ изнуренное его сердце — Смѣете ли вы назвать сіе сумосбродствомъ, вы мудрствующіе умы? — Сумосбродствомъ! — О Боже! Ты зришь мои слезы — Ты создалъ человѣка довольно уже бѣднымъ, почтоже окружилъ его еще ближними, которые лишаютъ послѣдняго его утѣшенія и довѣренности къ тебѣ? Ибо довѣренность къ гроздію, которое его увеселяетъ, и къ корню, который подаетъ ему облегченіе, есть довѣренность къ тебѣ, что твоя всещедрая рука ниспосылаетъ ему повсюду исцѣленіе и отраду, который онъ толико жаждетъ — Ахъ! отче мой, котораго я не знаю! Отче мой, ты которой прежде наполнялъ мое сердце, а нынѣ отвращаешъ взоръ свой отъ меня! вѣщай, да пріиду къ тебѣ! прерви

 свое

свое молчаніе! тщетно мнишь онымъ удержать рвеніе души, стремящейся преселиться къ тебѣ! — И можетъ ли человѣкъ, кольми паче отецъ, разгнѣваться на своего сына, которой незапно представъ предъ него и повергшись въ его объятія, вопіетъ: Я пришелъ къ тебѣ возлюбленный мой родитель; прости меня, что сократилъ я свое странствованіе и возвратился прежде назначеннаго тобою срока. Свѣтъ вездѣ одинаковъ, старанія и труды, награды и удовольствія меня не привлекаютъ, блаженство мое есть быть съ тобою и при тебѣ хочу страдать или утѣшаться — А Ты, небесный Отецъ, отринешь ли таковаго сына отъ лица твоего? —

ПИСЬМО LXXII. Декабря 1.

Другъ мой, человѣкъ, о которомъ я къ тебѣ писалъ, сей нещастный щастливецъ былъ писаремъ у Шарлотина отца. Онъ во-

восчувствоваль къ ней сильнѣйшую страсть и питая оную скрываль, пока на конецъ самъ изъяснился, и за то отъ нихъ отпущенъ, отъ чего и сдѣлался таковымъ, каковымъ я его вчера видѣлъ. Представь себѣ, какое произвело надо мною дѣйствіе приключеніе, о которомъ раскасывалъ мнѣ Албертъ съ такимъ равнодушіемъ, съ какимъ можетъ быть ты теперь о семъ читаешь.

ПИСЬМО LXXIII. Декабря 4.

Прошу тебя — ты видишь мою гибель — не долго я все сіе сносить буду. Сего дня сидѣлъ я возлѣ ее — сидѣлъ, она играла на клавирахъ съ такимъ выраженіемъ, котораго тебѣ изъяснить не могу. Меньшая ея сестрица убирала свою куклу у меня на колѣняхъ. Слезы навернулись на моихъ глазахъ. Я наклонился, и увидѣлъ нечаянно обручальное на ней кольцо — Слезы полились

ручьями — Вдругъ заиграла она ту божественную арїю, которая только кратъ меня восхищала, вдругъ почувствовалъ я въ душѣ моей отраду, но нечаянно вспомнилъ опять о временахъ, въ которыя слышалъ сїю пѣснь и былъ съ нею одинъ; вспомнилъ свою горесть и суетную надежду — тогда я вскочилъ и бѣгалъ по комнатѣ; духъ во мнѣ спирался. Ради Бога, перестань играть, вскричалъ я твердымъ голосомъ, подошедъ къ ней, ради Бога перестань. Она остановилась, и посмотрѣвъ на меня пристально, сказала съ улыбкою, которая поразила мое сердце: Вѣртеръ, ты весьма не здоровъ, любимая твоя пища тебѣ уже стала противна. Поди, пожалуй поди! успокой себя сколько нибудь — я кинулся отъ нее прочь — Великїй Боже! ты зришь мое страданїе, ты и прекратишь оное!

ПИСЬМО LXXIV. Декабря 6.

КакЪ образЪ ея повсюду гонится за мною! сплю ли я или бодрствую, оный всегда мечтается вЪ душѢ моей. ЗдѢсь, когда закрою глаза, здѢсь, гдѢ соединяются чувственныя жилы, начертаны черныя ея очи. ЗдѢсь! — АхЪ! не могу изъясниться. Когда сомкну свои глаза, то ея глаза тотЪ часЪ представляются мнѢ какЪ море, какЪ бездна, поглощающая всѢ мои чувства.

Что есть человѢкЪ? сїе толико тщеславящееся полубожїе! не лишается ли онЪ своихЪ силЪ, вЪ то самое мгновенїе, когда оныя ему наибольше потребны? И хотябЪ онЪ плавалЪ вЪ радости, или утопалЪ вЪ горестяхЪ, то не долженЪ ли онЪ вЪ обоихЪ случаяхЪ остановиться и обратиться вЪ первобытное свое ничтожество, между тѢмЪ какЪ тщится достигнуть безсмертїя?

ПИСЬМО LXXV. Декабря 8.

Любезный другЪ, я теперь вЪ такомЪ положенїи, вЪ какомЪ бы-

ваютъ тѣ нещастные, коихъ почитаютъ одержимыми злымъ духомъ. Иногда объемлетъ меня странное чувство, котораго не льзя назвать ни желанїемъ, ни тоскою, но нѣкоторымъ внутреннымъ и сокрытымъ неистовствомъ, которое грозитъ растерзать мою грудь и захватить горло. О горе! горе мнѣ нещастному! тогда, вскочивъ я бѣгу скорѣе въ поле, которое зима, сїя неприятельница смертныхъ, сдѣлала театромъ мрачныхъ и ужасныхъ представленїй.

Вчера ночью принужденъ я былъ выйти за городъ. Я слышалъ еще въ вечеру, что рѣка со всѣми окружными протоками разлилася, и отъ Валгейма потопила всю возлюбленную мою долину. Я побѣжалъ туда въ двенадцатомъ часу. Какое страшное и печальное позорище! луна померкла; сквозь малѣйшее ея сїянїе видѣлъ я разъяренныя волны, которыя поглощали поля, луга и кустарники

ки, и вся долина представляла свирѣпое море, обуреваемое ревущимъ вихремъ. Луна опять появясь, остановилась на мрачномъ облакѣ; блескъ ея еще больше усугубилъ смятенie природы! коль печальный, коль ужасный видъ меня поразилъ! Я вострепеталъ, почувствовалъ желанie, приближился къ пропасти, простеръ руки, наклонился со вздохомъ, въ той сладчайшей мысли, чтобы погрузить въ ней всѣ мои бѣдствiя и страданiя и кипѣть вмѣстѣ съ волнами. Но увы! я не могъ отторгнуть ногъ своихъ отъ земли! не могъ прекратить тѣмъ своего мученiя! видно часъ мой еще не насталъ — я это чувствую! о другъ мой! съ какимъ удовольствiемъ перемѣнилъ бы я свое существо, и превратясь въ вихрь разбилъ бы тучи и возмутилъ волны? Можетъ быть со временемъ и вырвусь изъ моей темницы и наслаждусь онымъ блаженствомъ! —

Я обратилъ прискорбный взоръ на ту площадку, гдѣ мы съ Шарлотою подъ ивою отдыхали послѣ долговременной прогулки; оная была также потоплена, и я съ нуждою могъ узнать мою иву! Увы! подумалъ я, что и лужокъ и пустоши около охотничьяго двора и бесѣдки и все безъ сомнѣнія разорено водопольемъ. Лучь плѣнности тотъ часъ озарилъ мою душу, подобно какъ мечтаніе во снѣ представляетъ узнику все потерянное его стяжаніе. Я остановился! — однако не укоряю себя въ томъ, потому что я не страшусь умереть-- я бы — а теперь сижу здѣсь какъ старуха, которая подбираетъ около забору щепки, и проситъ у каждыхъ воротъ милостыни для продолженія хотя на нѣсколько минутъ, дряхлаго и бѣдственнаго своего бытія.

ПИСЬМО LXXVI. Декабря 17.

Что это значитъ, любезный другъ? Я самъ себя страшусь! Развѣ

любовь

любовь моя къ ней не самая священнѣйшая, чистѣйшая, или лутче сказать братская? —— ==
Сердце мое имѣло ли когда нибудь непозволительное желаніе? —— Я не хочу въ томъ клясться —— а теперь —— какія мечтанія! Ахъ! какъ справедливы тѣ, кои таковыя противныя чувства приписываютъ посторонним причинамъ! Сію ночь —— боюсь сказать тебѣ —— я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, прижималъ къ своей груди и покрывалъ дрожащія ея уста неисчетными поцѣлуями. Взоръ мой упоевался услажденіемъ ея очей. Боже милосердный! виноватъ ли я въ томъ, что и теперь еще ощущаю сіе блаженство, сіи восторги, коими въ сновидѣніи наслаждался? О Шарлота! Шарлота! —— я погибаю! Чувства мои заблуждаются. Восемь дней я уже въ иступленіи, глаза мои наполнены слезами. Мнѣ вездѣ хорошо, и вездѣ худо. Ничего не желаю, ничего не требую. Ахъ

всего для меня лутче, чтобы какъ возможно скорѣе уѣхать.

ИЗДАТЕЛЬ къ ЧИТАТЕЛЮ.

Дабы сообщить обстоятельное свѣденіе о послѣднихъ дняхъ нещастнаго нашего друга, я принужденъ перервать его переписку повѣствованіемъ того, что слышалъ я отъ самой Шарлоты, такъже отъ Алберта и собственнаго его слуги и другихъ очевидныхъ свидѣтелей.

Вертерова страсть нечувствительно стала умалять согласіе между Шарлотою и Албертомъ; сей любилъ ее искренно и чистосердечно какъ честный и добродѣтельный мужъ, но дружеское его съ нею обхожденіе мало по малу покарялось упражненію его въ дѣ-

лахъ.

лахъ. Правда, онъ не примѣчалъ въ себѣ никакой перемѣны, перемѣнивъ имя любовника на супруга; однако внутренно чувствовалъ нѣкоторое неудовольствїе отъ явныхъ знаковъ Вертеровой къ Шарлотѣ любви, которая казалась ему нѣкоторымъ нарушенїемъ его правъ и тайною укоризною. Чрезъ сїе умножилась его досада, которую причиняли ему иногда многотрудныя, безпокойныя и худо награжденныя его упражненїя, а когда еще къ тому и Вертерово состоянїе сдѣлало ему всякое сообщенїе съ нимъ противнымъ, и жестокая тоска снѣдала силы его разума, его живность и проницанїе; то сїе равнымъ образомъ возъимѣло дѣйствїе и надъ Шарлотою, которая отъ того впала въ нѣкоторый родъ задумчивости, кою Албертъ почиталъ началомъ страсти ея къ ея любовнику, а Вертеръ ея огорченїемъ отъ перемѣны къ ней ея супруга. Взаимная недовѣрчивость обоихъ

сихъ друзей учинила наконецъ присутствіе ихъ другъ другу несноснымъ. Албертъ началъ удаляться и убѣгать своей супруги, когда посѣщалъ ее Вертеръ, а сей примѣтя оное, и покушаясь тщетно отъ нее отстать, вздумалъ на послѣдокъ имѣть съ нею свиданіе въ тѣ часы, когда мужъ ея занимался дѣлами. Отъ сего произошло еще новое неудовольствіе, и досада съ обѣихъ сторонъ умножалась до того, что Албертъ выговорилъ уже супругѣ своей нарочито сухо, чтобы она по крайней мѣрѣ хотя для людей, перемѣнила свое обхожденіе съ Вертеромъ, и не такъ бы часто принимала его посѣщеніе.

Въ сіе почти самое время намѣреніе оставить свѣтъ, утвердилось въ мысляхъ сего нещастнаго любовника. Онъ давно уже имѣлъ сіе желаніе и питалъ оное въ своемъ сердцѣ,

а особливо по возвращенiи своемъ къ Шарлотѣ.

Однако онъ не хотѣлъ приступить къ сему дѣлу безразсуднымъ и неистовымъ образомъ, но съ твердымъ расположенiемъ и спокойнѣйшимъ духомъ.

Сомнѣнiе его и борьба съ самимъ собою, явствуютъ изъ нижеслѣдующей записки, найденной между его бумагами, на которой уповательно началъ онъ было писать письмо къ своему другу.

*

Присутствiе ея, судьба и сострадание обо мнѣ, извлекаютъ еще послѣднiя слезы изъ моего изсохшаго мозгу.

Поднять завѣсу, и перейти на другое мѣсто, и все тутъ! На чтоже медлить и крушиться? — Развѣ для того, что не знаешь каково тамъ? — и что на задъ не возвратишься? — Разумъ же человѣческiй въ неизвѣстно-

сти ничего не видитъ окромѣ мрака и безпорядка.

Огорченіе, причиненное ему въ то время когда онъ былъ еще Секретаремъ Посольства, никогда не выходило изъ его памяти. И когда онъ о семъ говорилъ, что однако рѣдко случалось, то легко примѣтить было можно, что онъ почиталъ чрезъ сіе честь свою безъ поправленія обиженною, и что сіе произвело въ немъ отвращеніе ко всѣмъ политическимъ дѣламъ. И такъ онъ не бывъ ничемъ упражненъ, предался тѣмъ чувствамъ и воображеніямъ, которыя видны изъ его писемъ и той необузданной страсти, которая изнурила на конецъ всѣ его силы. Печальное обхожденіе съ любезнѣйшею особою, коея нарушалъ онъ спокойствіе, безпрестанная борьба и сраженіе съ самимъ собою, и при томъ безъ всякой цѣли и безъ намѣренія, подвигли его на послѣдокъ къ ужаснѣйшему предпріятію.

ПИСЬМО LXXVII. Декабря 20.

Благодарю тебя, другъ мой, за твою любовь, что ты къ статьи включилъ сіи слова, что для меня всего лутче ѣхать. Но предложеніе твое, чтобы къ вамъ возвратиться, мнѣ весьма не нравится; ибо я лутче бы хотѣлъ еще нѣсколько пробыть въ дорогѣ, особливо теперь въ продолженіи морозовъ, обѣщающихъ хорошій путь. Я чрезмѣрно доволенъ, что ты берешь на себя трудъ самъ за мною приѣхать, только прошу тебя помедлить еще недѣли двѣ, и подождать отъ меня другаго письма. Не надобно срывать плодовъ, пока они еще не дозрѣли, а четырнадцать дней больше или меньше дѣлаютъ разницу немалую. Скажи матушкѣ, чтобъ она молилась о своемъ сынѣ, и что я прошу у нея прощенія во всѣхъ причиненныхъ ей мною огорченіяхъ. Такъ судьбѣ угодно было огорчать мнѣ тѣхъ, коимъ бы долженъ я доставлять

влять утѣшенїе. Прости! любезный другъ. Да наградитъ тебя Богъ всемъ желаемымъ тобою! Прости!

Въ самой тотъ день, что было въ воскресенїе передъ Рождествомъ Христовымъ, Вертеръ пошелъ въ вечеру къ Шарлотѣ и засталъ ее одну. Она приготовляла нѣкоторые подарки своимъ братьямъ и сестрамъ къ празднику. Онъ началъ говорить о удовольствїи, которое имѣть будутъ дѣти, и о лѣтахъ, кои раждаютъ въ нихъ радостные восторги, когда нечаянно растворятся двери, и вдругъ покажется деревцо, иллюминованное восковыми свѣчами и убранное яблоками и конфектами. Ты также получишь подарокъ, сказала ему Шарлота, скрывая свое смущенїе подъ приятною улыбкою, если только будешь уменъ — Что ето значитъ,

чить, если будешь умень! вскричаль Вертерь. Какь должно, какь можно быть такимь, любезная Шарлота? Сочельникь, говорила она, будеть вь четвергь, батюшка мой придеть ко мнѣ со своими дѣтьми; тогда каждый получить свое, вь томь числѣ и ты — но до того времени не посѣщай меня — Вертерь остолбенѣль — Прошу тебя, продолжала она, сдѣлай ето, пожалуй постарайся для моего покою; самь ты знаешь, что не льзя етому всегда такь быть! — Онь оть нее отворотился, началь ходить по комнатѣ и ворчаль сквозь зубы: не льзя етому всегда такь быть! Шарлота примѣтя жестокое состоянїе, вь которое привели его сїи слова, старалася разбить его мысли разными вопросами; но сїе было тщетно. Нѣть, Шарлота! вскричаль онь, я больше тебя не увижу! — Для чегоже ето, прервала она? Ты можешь, да и должень сь нами видѣться, толь-

ко

ко умѣрь себя. Ахъ! для чего рожденъ ты съ такою горячностїю и необузданною привязанностїю ко всему тому, что тебѣ приятно! Прошу тебя, продолжала она, взявъ его за руку, умѣрь себя; какое многоразличное удовольствїе доставить ты себѣ можешь своимъ разумомъ, знанїемъ и дарованїями? Будь мужественъ, и истреби пагубную страсть къ той, которая кромѣ сожалѣнїя ничемъ тебѣ отвѣчать не въ состоянїи.— Онъ скрыпѣлъ зубами и свирѣпымъ окомъ глядѣлъ на нее. Она не выпуская руки его, говорила ему: Вертеръ, выслушай меня спокойно, хотя на одну только минуту, не чувствуешь ли ты самъ, что ты добровольно себя обманываешь и губишь? На что любить меня, меня когда я уже принадлежу другому? Я боюсь, чтобы сїе не происходило только отъ невозможности владѣть мною. Онъ тотъ часъ вырвалъ отъ нее свою руку, и съ яростїю взглянувъ

нувъ на нее вскричалъ : разумно ! очень разумно! не Албертъ ли внушилъ тебѣ такое глубокомысленное умствованіе? Ето весьма тонко! — Ето всякъ сказать можетъ, прервала она. Какъ развѣ въ цѣломъ свѣтѣ не сыщется дѣвицы , которая бы могла исполнить желаніе твоего сердца ! Прими на себя трудъ поискать ее , и я клянусь тебѣ, что ты оную найдешь. Я давно уже страшусь и въ разсужденіи тебя и въ разсужденіи насъ, сего состоянія въ коемъ ты, самъ себя такъ ограничилъ. Преодолѣй себя! Путешествіе со всемъ тебя вылѣчитъ. Избери себѣ предмѣтъ, достойный всей твоей горячности, а по томъ съ онымъ къ намъ возвратись и наслаждайся съ нами удовольствіемъ искренней дружбы.

Всѣ сіи слова , отвѣчалъ Вертеръ съ сухою улыбкою, можно бы напечатать, и одобрить всѣмъ нравоучителямъ; любезная Шарлота , дай

дай мнѣ еще нѣсколько успокоиться, все будетъ исполнено —— Но только прошу тебя Вертеръ, и примолвила она, не приходи прежде сочельника —— Онъ хотѣлъ было ей отвѣчать, но на ту пору пришелъ Албертъ. Они другъ другу поклонились весьма принужденно, и стали расхаживать по комнатѣ оба съ равнымъ смущенiемъ. Вертеръ начиналъ съ нимъ рѣчь ничего незначущую и несвязную; а Албертъ требовалъ отчету у своей супруги въ домашнихъ дѣлахъ, которыя онъ ей поручилъ; но услышавъ, что оныя еще не исполнены, выговорилъ ей нѣсколько колкихъ словъ, которыя пронзили Вертерово сердце. Онъ хотѣлъ итти, но не могъ, и промѣшкалъ до осьми часовъ. Досада съ обѣихъ сторонъ умножалась; на конецъ накрыли столъ, и Вертеръ взявъ свою шляпу и палку пошелъ домой, хотя Албертъ и унималъ его съ холоднымъ видомъ ужинать.

При-

Пришедъ домой, взялъ онъ отъ слуги свѣчу и одинъ пошелъ въ комнату. Слышно было, что онъ по оной ходилъ, говорилъ съ великимъ жаромъ и плакалъ; на конецъ не раздѣвшись бросился на постелю, гдѣ нашелъ его слуга, которой въ двенадцатомъ уже часу отважился къ нему войти, не прикажетъ онъ ли себя разуть. Онъ позволилъ ему сіе сдѣлать и запретилъ входить къ себѣ, пока онъ его не кликнетъ.

Въ понедѣльникъ по утру, двадцать перваго Декабря, написалъ онъ къ Шарлотѣ слѣдующее письмо, которое запечатанное найдено по смерти его на письменномъ его столикѣ и ей отдано. Я прилагаю оное здѣсь отрывками, какъ и слѣдовало ему быть по тогдашнимъ его обстоятельствамъ.

*

Все уже совершилось; я рѣшился умереть, о чемъ и пишу къ тебѣ,

бѣ, Шарлота, съ спокойнымъ духомъ, и безъ всякихъ романическихъ восторговъ, въ заутріе того дня, въ которой тебя въ послѣдній разъ увижу. Когда сіе читать станешь, возлюбленная моя, то помысли, что хладная могила покрываетъ уже бѣдные остатки нещастнаго, который и въ послѣдніе минуты своея жизни, не находилъ другаго блаженства, какъ собесѣдовать съ тобою. Я препроводилъ ужаснѣйшую ночь, ахъ! что я говорю? ночь благоденственную, которая утвердила мое намѣреніе: я рѣшился умереть. Вчерашній день, когда я отъ тебя пошелъ, всѣ чувства мои были въ величайшемъ волненіи, все удручало мое сердце, и смертельная холодность обьяла бѣдственное и безотрадное мое бытіе. Съ нуждою могъ я дойти до своей комнаты; палъ въ иступленіи на колѣни и возопилъ: о великій Боже! ты низпосылаешь мнѣ въ по-

слѣд-

слѣднїй разъ отраду пролить горчайшїя слезы! Тысяча разныхъ воображенїй терзали смущенную мою душу, на конецъ единая и послѣдняя мысль предстала сїя: Я умру!-— По томъ легъ я спать, и пробудясь спокойно сего дня по утру нахожу, что сїя мысль наполняетъ и занимаетъ мое сердце: я умру! — Не отчаянїе влечетъ меня къ сему предприятїю, но убѣжденїе, что я все уже претерпѣлъ, и жизнїю своею жертвую тебѣ; тебѣ Шарлота, ибо къ чему мнѣ сїе скрывать отъ тебя? Одному изъ насъ троихъ должно было умереть, такъ пускай я буду онымъ! о возлюбленная моя! признаюсь тебѣ, что часто вкрадывалась въ неистовое мое сердце сїя ужасная мысль — чтобы умертвить твоего супруга — тебя! — и себя! — Но да испытаю сїе лутче надъ самимъ собою! — Когда прогуливаться станешь въ прекрасные лѣтнїе вечера около горы,

ры, то вспомни обо мнѣ, вспомни сколько разъ видала ты меня на оную восходящаго; по томъ взгляни на кладбище, гдѣ будетъ моя могила, какъ тихїй вѣтръ при послѣднихъ солнечныхъ лучахъ восколеблетъ высокую на ней траву. — Я былъ спокоенъ когда начиналъ сїе писать, а теперь вообразивъ все оное живо, рыдаю неутѣшно.

Въ десять часовъ по утру Вертеръ кликнулъ своего слугу, и одѣваясь сказалъ ему. Что какъ онъ намѣренъ чрезъ нѣсколько дней ѣхать, то чтобы онъ уклалъ все его платье, при томъ велѣлъ ему со всѣми расчесться, собрать розданныя для прочтенїя книги, и выдать бѣднымъ впередъ на два мѣсяца денегъ, которымъ каждую недѣлю опредѣлено было отъ него нѣкоторое подаянїе.

Онъ

Онъ велѣлъ подать себѣ обѣдать въ комнату, и по окончаніи стола, поѣхалъ къ управителю верьхомъ, котораго не заставъ дома, расхаживалъ по саду съ задумчивымъ видомъ, и казалось, что онъ нарочно скоплялъ въ послѣдній разъ всѣ огорчительнѣйшія для него напоминовенія.

Однако дѣти не на долго оставили его въ покоѣ; они бѣгали за нимъ, и прыгая около него говорили, что когда пройдетъ завтра, и еще завтра да еще одинъ день, то они получатъ отъ Шарлоты праздничные подарки и расказывали ему о тѣхъ чудесахъ, которыя представляло имъ малое ихъ воображеніе. Завтра! вскричалъ онъ, и еще завтра, да еще единъ день! по томъ каждаго изъ нихъ нѣжно цѣловалъ, и хотѣлъ было ихъ оставить, какъ между тѣмъ самый меньшой мальчикъ шепталъ ему на ухо, что старшіе его братья изготовили поздравленія на

новой годъ, такъ велики! одно для батюшки, одно для Алберта и Шарлоты и одно также для г. Вертера, и хотятъ ихъ поднести въ новый годъ по утру.

Сіи слова его сразили; онъ всѣхъ ихъ одарилъ небольшими подарками, сѣлъ на лошадь, приказалъ имъ кланяться отъ него батюшкѣ и поѣхалъ отъ нихъ съ полными слезъ глазами.

Онъ пріѣхалъ домой въ пять часовъ, и приказалъ своей служанкѣ не гасить огня даже и чрезъ всю ночь, а слугѣ укласть все въ сундукъ книги и бѣлье на дно, а платье сверьху. Послѣ сего упоставельно написалъ онъ слѣдующій отрывокъ своего письма къ Шарлотѣ:

❀ ❀ ❀

Ты меня не ожидаешь. Ты думаешь, что я прежде сочельника тебя и не увижу. О Шарлота! сего дня, или никогда. Въ сочельникъ будешь ты уже имѣть сіе

письмо, будешь трепетать и омывать его слезами. Я хочу, я долженъ! — Какъ я доволенъ, что рѣшился!

Въ половинѣ седьмаго часу пошелъ онъ къ Алберту, и засталъ Шарлоту одну, которая весьма ужаснулась его посѣщенію; ибо она разговаривая съ своимъ мужемъ между прочимъ упомянула, что Вертеръ до сочельника къ нимъ не будетъ. Вскорѣ послѣ сего Албертъ велѣлъ осѣдлать лошадь и простившись съ нею сказалъ, что онъ хочетъ посѣтить въ сосѣдствѣ управителя для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ поѣхалъ не смотря на бывшую тогда распутицу. Шарлота довольно зная, что онъ давно уже откладывалъ сіи дѣла, которыя должны его задержать тамъ цѣлыя сутки, почувствовала не-

довѣрчивость къ себѣ и была симъ чувствительно тронута. Она осталась одна, и при томъ огорченная; разсуждала о прошедшемъ, находила всю свою цѣну и любовь къ своему супругу, который вмѣсто обѣщаннаго ей щастія, начиналъ дѣлать жизнь ея злополучною. По томъ обращалась она мысленно къ Вертеру; она досадовала на него, но не могла его ненавидѣть. Тайная и ей самой неизвѣстная склонность, привязывала ее къ нему съ перваго ихъ свиданія, а по томъ уже послѣ толь долговременнаго и дружескаго обхожденія впечатлѣніе сіе осталось на вѣки незагладимо въ ея сердцѣ. На послѣдокъ горесть свою омыла она слезами, послѣ чего впала въ нѣкоторую пріятную задумчивость, которая часъ отъ часу больше умножалась. Но въ какое пришла она смущеніе, когда услышела Вертера идущаго на крыльцо и спрашивающаго у себя ли она! Тогда

гда поздо уже было дома не сказаться, и она не успѣла еще опамятоваться какъ онъ былъ уже въ комнатѣ. Ты все не сдержалъ своего слова, кричала она ему на встрѣчу! — Я его никогда и не давалъ, отвѣчалъ онъ — по крайней мѣрѣ для общаго нашего спокойствія, ты долженъ бы уважить мою прозьбу, продолжала она. Послѣ сего вздумала Шарлота послать за которою нибудь изъ своихъ приятельницъ, которая бы была свидѣтельницею обхожденія ея съ Вертеромъ, также и для того, что когда оная отъ нее пойдетъ, то Вертеръ изъ учтивства принужденъ будетъ ее проводить и чрезъ то оставитъ ее въ надлежащее время. Онъ принесъ, отдать ей нѣкоторыя книги; она спрашивала его о другихъ и въ ожиданіи своихъ гостей старалась вести рѣчь постороннюю, какъ между тѣмъ возвратилася служанка и объявила своей го-

госпожѣ, что одна извинялася неприятнымъ посѣщенiемъ родственницы, а другая тѣмъ что она не одѣта и въ худую погоду выти не можетъ.

Препятствiе сiе потревожило Шарлоту, но вскорѣ невинность ея востала, и представила ей должную къ ней довѣренность. Она пренебрегала всѣ пустыя Албертовы подозрѣнiя, и чувствуя непорочность души своей, осталась при той мысли, которую имѣла, чтобы кликнуть къ себѣ служанку, и поигравши нѣсколько на клавирахъ для совершеннаго истребленiя своего замѣшательства, сѣла съ спокойнымъ духомъ на канапе возлѣ Вертера. Нѣтъ ли у тебя чего почитать, спросила она его? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Отопри етотъ камодъ, продолжала она, въ немъ найдешь ты свой переводъ нѣкоторыхъ Оссiановыхъ пѣсней; я еще его не читала, желая оное

слышать отъ тебя, но ты съ нѣкотораго времени сталъ ни къ чему не способенъ. Онъ усмѣхнулся, пошелъ за тетратью и взявъ оную началъ читать; ужасъ объялъ его сердце и слезы полилися изъ его очей, когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ Арминъ оплакиваетъ смерть возлюбленной своей дщери.

„Я слышалъ стенанїе дщери мо„ей стоя одинъ на камнѣ омываемомъ волнами. Вопль ея былъ многъ „и пронзителенъ, но отецъ ея не „могъ подать ей руку помощи. „Всю ночь простоялъ я на берегу, „видѣлъ ее предъ собою при сла„бомъ сїянїи луны; всю ночь слы„шалъ жалостный ея крикъ. Вѣтръ „былъ жестокъ, дождь ударялъ „сильно въ горы. Передъ свѣтомъ „голосъ ея ослабѣлъ, и она исчез„ла въ глазахъ моихъ, какъ вечер„нїй ветерокъ исчезаетъ въ бы„лїяхъ камней. Угнѣтенная горе„стїю она скончалась, и оставила

 „бѣд-

„бѣднаго Армина одного! Я лишился крѣпости моей въ сраженіяхъ, лишился славы имѣть возлюбленную дщерь.

„Когда вихри свирѣпствуютъ „на горныхъ хребтахъ, когда бури „воздымаютъ волны, я сидя на „шумящемъ берегу взираю на сей „пагубный камень. Часто при исходѣ луны вижу тѣни дѣтей моихъ, которые странствуютъ вмѣстѣ въ печальномъ союзѣ.„

Слезы, которыя полились ручьями изъ очей Шарлотиныхъ, и облегчили стѣсненное ея сердце, прервали Вертерово чтеніе, онъ бросилъ тетрать, схватилъ ея руку и обмывалъ оную горькими слезами. Шарлота облокатясь на другую закрывала глаза платкомъ, и оба были въ ужасномъ движеніи. Они находили точное подобіе бѣдствія своего въ судьбѣ сихъ нещастныхъ, чувствовали оное равномѣрно и соединяли свои слезы. Глаза и уста Вертеровы прилѣпясь

пясь къ ея рукѣ возжигали оную своимъ жаромъ. Страхъ объялъ ея сердце, она хотѣла удалиться, но горесть и сострадані́е дѣлали ее неподвижною; на конецъ съ нуждою нѣсколько оправясь просила его, чтобы онъ далѣе продолжалъ; содрогающі́йся Вертеръ поднялъ тетрать внѣ себя и прерывающимся голосомъ читалъ слѣдующее:

„Почто возбуждаешь меня ве-
„сенный вѣтръ обольщая тѣмъ,
„что оросишь меня небесною
„росою? Время сокрушені́я моего
„приближается, и буря восхититъ
„мое листві́е, завтра придетъ пу-
„тникъ, придетъ тотъ, которой
„видѣлъ мою красоту, взоръ его
„повсюду искать меня станетъ
„но больше уже не увидитъ.„

Сила и выражені́е сихъ словъ какъ молні́ею поразили нещастнаго Вертера. Онъ бросился въ отчаяні́и къ ногамъ Шарлоты, и схвативъ ея руки, прижимаетъ оныя къ своимъ глазамъ и ко лбу и чрезъ то нѣ-

нѣкоторымъ образомъ даетъ знать объ ужаснѣйшемъ своемъ предпріятіи. Сіе предзнаменованіе проницаетъ въ сердце Шарлоты, чувства ея смущаются, она хватаетъ его руки, прикладываетъ оныя къ своей груди, наклоняется къ нему влекома будучи нѣкоимъ состраданіемъ, и воспаленнымъ своимъ лицемъ касается къ его лицу. Тогда вся вселенная предъ ними исчезаетъ; онъ беретъ ее въ свои объятія и жарчайшимъ лобзаніемъ покрываетъ трепещущія ея уста. Вертеръ! вскричала она томнымъ голосомъ, отворачиваясь отъ него, Вертеръ! говорила она, удерживая его слабою рукою, Вертеръ! возопила на конецъ съ твердостію благороднаго чувства; онъ не могъ сему противиться, выпустилъ ее изъ своихъ рукъ и въ безпамятствѣ повергся предъ нею. Шарлота отъ него вырвалась, и въ крайнемъ смущеніи колебляясь между любовію и гнѣвомъ съ досадою говорила: это

въ

въ послѣднїй разъ! Вертеръ! ты больше меня не увидишь. Послѣ чего бросила она еще нѣжнѣйшїй взглядъ на нещастнаго, по томъ побѣжала въ свою комнату и въ оной заперлась. Вертеръ простеръ къ ней руки, но не дерзнулъ ее удержать; и лежалъ больше полу часа на полу прислонивъ голову къ канапе, пока услышалъ шумъ отъ служанки, которая пришла накрывать столъ. Онъ всталъ, бѣгалъ по горницѣ, и увидѣвъ, что онъ былъ въ ней одинъ, подошелъ ко дверямъ кабинета и громко кричалъ: Шарлота! Шарлота! еще одно слово, одно только, прости! — скажи — она не отвѣчала; онъ еще стоялъ — и просилъ ее — и еще становился, по томъ бросясь бѣжать закричалъ: прости! Шарлота! прости! на вѣки!

Вертеръ пошелъ отъ нее прямо къ городскимъ воротамъ. Часовые, которые его знали, тотъ часъ

его пропустили. Ночь была темна и мокра, по тому что и дождь и снѣгъ шелъ. Онъ прибѣжалъ домой въ одинадцать часовъ. Слуга его примѣтилъ, что господинъ его былъ безъ шляпы , но не смѣлъ ему о томъ сказать, однако раздѣлъ его и видѣлъ , что все на немъ было вымочено. Шляпа же его послѣ того найдена уже на самой вершинѣ каменной горы, на которую не возможно, что бы онъ взошелъ безъ всякаго намѣренія въ толь темную ночь.

Онъ легъ , и проспалъ долго. Слуга, которой принесъ къ нему по утру кофе, нашелъ его за письменнымъ столомъ. Онъ присовокупилъ тогда слѣдующее въ письмѣ своемъ къ Шарлотѣ :

✽ ✽ ✽

Въ послѣдній, въ послѣдній, уже разъ отворяю я свои глаза! Увы! они больше солнца не увидятъ ; мрач-

мрачный и густый туманъ оное покрываетъ. А ты природа облекись въ печальную одежду. Ты лишаешся сына, друга и обожателя своего. Шарлота! чувство мое безподобно, однако ничто съ мечтанїемъ такъ не сходствуетъ какъ сїи слова: се послѣднїй день послѣднїй! Шарлота! я етого не понимаю: послѣднїй! теперь я здоровъ и на ногахъ, завтра лежать буду распростертый на землѣ. Такъ что значитъ умереть? Все что мы о смерти ни говоримъ суть пустыя только воображенїя. Я видѣлъ много умирающихъ, но человѣкъ такъ ограниченъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятїя ни о началѣ ни о концѣ своего бытїя. Теперь я еще свой, нѣтъ, твой! твой! О возлюбленная моя! я въ мгновенїе — отлученъ — исторгнутъ — можетъ быть на вѣки! — Нѣтъ, Шарлота, — нѣтъ — возможно ли чтобъ я, чтобъ ты въ ничтоже-

 ство

ство превратилась? Мы существуемъ — въ ничтожество превратиться! — Что сїе значитъ? — Я и сего не разумѣю! звукъ таковыхъ выраженїй не проницаетъ въ мое сердце — мертвъ, Шарлота! опущенъ въ могилу столь тѣсную, столь холодную, столь мрачную! — Я имѣлъ друга, женскую особу, которая все щастїе мое составляла въ безпомощной моей юности; она умерла, я провожалъ ея тѣло, стоялъ на краю могилы; когда стали опускать ея гробъ, когда услышалъ я шумъ передергиваемыхъ веревокъ, когда бросили первую лопатку земли и сїя земля глухо отдавалась по гробницѣ, по томъ глуше и еще глуше, и часъ отъ часу глуше пока все было зарыто — Я палъ на землю обьятъ ужасомъ смущенъ, внутренно терзаясь, но я не зналъ, что сдѣлалось со мною, и чему воспослѣдовать надлежало — смерть, гробъ! Я со всемъ не понимаю, что значатъ сїи слова! Ахъ,

Ахъ, прости меня! прости! вчера! сïе мгновенïе должно бы быть послѣднимъ въ моей жизни. Увы! въ первой еще разъ, въ первый разъ проникло во мнѣ сладчайшее чувство, и воспалило мое сердце: она меня любитъ! меня любитъ! Уста мои горятъ и теперь тѣмъ священнымъ огнемъ, коимъ твои пылали; душа моя упоена новымъ источникомъ радости. Прости меня, прости.

Ахъ! я зналъ, что былъ тебѣ не противенъ, зналъ сïе по первому твоему на меня нѣжному взору, по первому руки прикосновенïю; но когда съ тобою раставался, когда видалъ Алберта возлѣ тебя сидящаго, я опять впадалъ въ сомнѣнïе и жесточайшую тоску.

Вспомни, какъ прислала ты мнѣ цвѣтковъ, послѣ скучнаго собранïя, въ коемъ ты не могла ни говорить со мною, ни подать мнѣ руки; я половину ночи препроводилъ стоя на колѣняхъ предъ ними, и

они

они впечатлѣвали мнѣ твою горячность. Но увы! впечатлѣнія сіи скоро опять исчезали!

Все проходитъ, но никакая вѣчность не погаситъ пламени, коимъ я вчера воспаленъ твоими устами, и которой и теперь въ себѣ ощущаю: она меня любитъ! рука сія дерзнула ее обьять, уста сіи коснулись устамъ ея и произносили слова: она моя! ты моя, Шарлота! ты моя — вѣчно!

Албертъ супругъ твой! что до того нужды! супругъ! — Ето только на етомъ свѣтѣ — и на семъ свѣтѣ почитается за грѣхъ любить тебя, и изторгнуть изъ рукъ его въ свои обьятія? Грѣхъ! Боже мой! такъ я себя за оный и накажу: Я вкусилъ сіе преступленіе, вкусилъ со всею его сладостію, и испилъ бальзамъ, укрѣпляющій и оживляющій мое сердце. Съ сего мгновенія ты стала моя. Такъ, Шарлота, ты моя. Я иду напередъ, иду къ общему нашему отцу,

отцу, пролїю печаль мою предъ его престоломъ, и онъ будетъ меня утѣшать до твоего прибытія, а когда ты придешь, я побѣгу къ тебѣ на встрѣчу и схвативъ тебя въ свои объятія, пребуду уже съ тобою на вѣки неразлученъ предъ лицемъ Всевышняго Творца.

Слова мои не есть мечтанїе или безумство, я оное яснѣе вижу приближась ко гробу. Мы будемъ существовать, увидимся опять между собою, увидимъ твою родительницу; я ее найду, узнаю и открою ей внутренность моея души. Твою родительницу, твое живое изображенїе —

❀ ❀ ❀

Около одинадцати часовъ, Вертеръ спросилъ у своего слуги не возвратился ли Албертъ, и какъ сей отвѣчалъ, что видѣлъ его проѣхавшаго, то онъ послалъ къ нему слѣдующую записку:

Одол-

Одолжи меня въ дорогу своими пистолетами. Прости! будь здоровъ.

Нѣжная Шарлота препроводила ночь въ смущенiи и безпокойствѣ. Кровь ея была въ величайшемъ волненiи и печальныя чувствованiя терзали ея сердце. Не смотря на всѣ ея сопротивленiя горячность Вертеровыхъ объятiй нечувствительно вкралась въ ея грудь, но въ тоже самое время и образъ невинныхъ и спокойныхъ ея дней, съ сугубою прiятностiю представлялся въ ея мысляхъ. Она напередъ уже страшилась суровыхъ взоровъ своего супруга, насмѣшливыхъ и колкихъ его вопросовъ, когда онъ узнаетъ о Вертеровомъ посѣщенiи. Она никогда не лицемѣрила предъ нимъ, никогда его не обманывала, а тогда въ первый разъ увидѣла себя принужденною къ сей крайности. Отвращенiе и замѣша-

тель-

тельство, которыя они чувствовали предъ симъ, увеличивали въ глазахъ ея учиненный ею проступокъ; однакожъ виновника онаго не могла она возненавидѣть, ни положить намѣренія никогда болѣе съ нимъ невидаться. И такъ огорченная, лишь только пробудилась отъ слабаго сна, и не успѣла еще одѣться, какъ мужъ ея возвратился, коего присутствіе въ первый еще казалось ей несноснымъ; ибо между тѣмъ какъ дрожала она того, чтобы онъ не узналъ ея безсонницы и пролитыхъ ею слезъ, замѣшательство ея еще больше умножалось. Она встрѣтила его и обняла съ такою живностію, которая означала больше смущеніе и раскаяніе, нежели истинную радость, и чрезъ то самое обратила на себя вниманіе Алберта, который при распечатаніи нѣкоторыхъ писемъ ее сухо спросилъ: не было ли чего новаго, и не приходилъ ли кто? Она запинаясь отвѣчала: Вертеръ

теръ вчера просидѣлъ здѣсь около часа — онъ умѣетъ выбрать время, примолвилъ Албертъ, и тотъ часъ пошелъ въ свою комнату. Шарлота пробыла одна около четверти часа. Видъ любимаго и почитаемаго ею человѣка, родилъ въ ней со всемъ новое чувство. Она вспомнила всѣ его для себя услуги, его великодушїе и преданность, и укоряла себя худою за все оное ему заплатою. Тайное побужденїе заставило ее итти къ нему; она взявъ свое шитье, вошла въ его кабинетъ, какъ она часто дѣлывала, и спросила его, не надобно ли ему чего? Онъ сказалъ что ничего не надобно, началъ писать, а она сѣла за работу. Симъ образомъ препроводили они около часа, Албертъ на конецъ всталъ и расхаживалъ по комнатѣ; Шарлота начинала съ нимъ говорить, но онъ съ нуждою ей отвѣчая, садился опять писать. Сей поступокъ не мало ее огорчилъ и

тѣмъ

тѣмъ больше ее мучилъ, что она старалась оное скрывать и силилась удержать свои слезы.

Между тѣмъ приходъ Вертерова слуги, еще больше умножилъ ея смущенїе. Онъ подалъ Албертy отъ господина своего цѣдулку, которой прочтя оную, сказалъ весьма холодно супругѣ своей: дай ему пистолеты. — По томъ оборотясь проворчалъ сквозь зубы: я ему желаю щастливаго пути — сїи слова поразили Шарлоту. Она насилу съ мѣста встала, подошла медлительно къ стѣнѣ, сняла содрогаясь пистолеты, обтирала по малу пыль съ оныхъ, и еще бы долѣе промедлила, если бы Албертъ не доказалъ ей взглядомъ, чтобы она отпустила поскорѣе человѣка. И такъ она принуждена была вручить ему сїе пагубное орудїе, не могши при томъ ни слова промолвить, и когда птъб ушелъ, то она сложивъ свое шитье, пошла въ свою комнату пора-

раженная смертельною горестїю. Сердце ея предвѣщало ей ужаснѣйшїя бѣдствїя. Иногда хотѣла она броситься къ ногамъ своего супруга, расказать ему обо всемъ на канунѣ произшедшемъ и открыть свою погрѣшность и предчувствїе о нещастномъ предприятїи Вертера; по томъ мыслила она, что склонить Алберта иттить самому провѣдать Вертера. На конецъ часъ обѣда наступилъ и приятельница, которую Шарлота уняла отобѣдать, сдѣлала сколько нибудь бесѣду сносною. Супруги должны были себя принудить, и обѣдъ прошелъ изрядно.

Вертеръ узнавъ что Шарлота сама вручила слугѣ пистолеты, съ восхощенїемъ принялъ ихъ, онъ велѣлъ подать себѣ хлѣба и бутылку вина, слугѣ приказалъ иттти обѣдать, а самъ сѣлъ писать слѣдующее.

✽ ✽ ✽

Они

Они были въ рукахъ твоихъ, ты съ нихъ обтирала пыль, я тысячу разъ цѣловалъ ихъ, по тому что ты имъ прикасалась: Ахъ! безъ сумнѣнія небо пріемлетъ и споспѣшествуетъ намѣренію моему. Ето ты, Шарлота, которая подаешь мнѣ орудіе смерти, а отъ твоей то руки я и желалъ оную получить, что по желанію моему теперь и получаю. Я распрашивалъ слугу своего, ты съ трепетомъ ему ихъ вручила; но ты не сказала мнѣ прости — нещастный я! нещастный я! не сказать прости — та минута, которая на вѣки меня съ тобой соединяетъ, не ужли лишила меня сердца твоего? Шарлота, ничего на свѣтѣ не можетъ истребить впечатлѣнія сего, и я чувствую что ты не можешь ненавидѣть того, который такъ пламенно тебя любитъ.

Послѣ

Послѣ обѣда онъ со всемъ велѣлъ укласться, много передралъ бумагъ, и пошелъ для расплаты небольшихъ долговъ. По томъ возвратился домой, и нѣсколько погодя пошелъ за городъ не смотря на дождь и ненастье; онъ прежде ходилъ въ Графской садъ, а тамъ и далѣе въ поле. Онъ пришелъ домой въ сумерки и сѣлъ писать.

❀ ❀ ❀

Другъ мой, я теперь въ послѣдней разъ видѣлъ горы, лѣса и небо. Прости! любезнѣйшая мать! отпусти мнѣ вины мои: другъ мой, тебѣ я поручаю утѣшать ее. Да благословитъ васъ Богъ! дѣла свои я всѣ привелъ въ порядокъ; будьте здоровы, мы увидимся, въ щастливые дни увидимся.

❀ ❀ ❀

Я худо тебѣ заплатилъ дружбу твою, Албертъ, а ты меня про-

прощаешь; я нарушилъ спокойствіе семейства твоего, я произвелъ несогласіе между вами. Прости, кончу всѣ сіи неустройства; дай Боже, чтобы смерть моя сдѣлала тебя щастливою! Албертъ, Албертъ, устрой щастіе Ангела, которымъ ты обладаешь, и да будетъ Всевышняго благословеніе надъ тобою.

Вечеромъ долго еще разбиралъ онъ свои бумаги, нѣкоторыя раздравъ бросилъ въ огонь, а протчія запечаталъ и надписалъ Вильгельму. Въ оныхъ содержались мѣлкія сочиненія, многія разсѣянныя мысли, изъ коихъ я нѣкоторыя читалъ. Въ десять часовъ онъ велѣлъ подложить еще въ каминъ дровъ, и принесть полбутылки вина, а слугу, который жилъ совсемъ въ особливыхъ покояхъ съ протчими служителями того дому, отослалъ ночевать. Онъ не раздѣваясь легъ на постелю, дабы скорѣе быть готову къ отъѣзду, по тому, что госпо-

 динъ

динъ его сказалъ ему, что почтовыя лошади будутъ въ шестомъ часу готовы.

❀ ❀ ❀

Въ одиннадцать часовъ. Повсюду окрестъ меня царствуетъ тишина, и душа моя наслаждается спокойствïемъ! благодарю тебя Господи, что въ сïи последнïе минуты даруешь мнѣ столько силы и крѣпости духа.

Я подхожу къ окошку, возлюбленная моя, и сквозь облака сильнымъ вѣтромъ быстро гонимыя, я зрю, еще зрю нѣсколько блестящихъ звѣздъ на вѣчно незыблемой тверди небесной. О сïяющïя свѣтила! нѣтъ, вы не будете разрушены; Превѣчный и васъ и меня сохранитъ въ нѣдрахъ своихъ. Я еще видѣлъ большую медвѣдицу, изъ всѣхъ любезнѣйшее для меня созвѣздïе; когда я въ нощное время отходилъ отъ тебя, когда оставлялъ твое жилище, то она всегда

всегда оное освѣщала. Съ какимъ восторгомъ я взиралъ на нее! Часто простирая къ ней свои руки, призывалъ ее во свидѣтельницы настоящаго моего блаженства! И еще — О! Шарлота! если такая вещь, которая бы тебя на память мнѣ не приводила? Ты и теперь меня со всѣхъ сторонъ окружаешь, и я подобно дитятѣ собралъ около себя всѣ тѣ бездѣлки, которыя прикосновенїе твое священными учинило?

Любезнѣйшїй для меня твой портретъ! Я тебѣ его возвращаю Шарлота, и прошу, чтобъ ты его почитала. Я лобызалъ его тысящекратно, и каждой разъ выходя, и возвращаясь въ домъ, кланялся и воздавалъ должное ему почтенїе.

Я написалъ записочку къ родителю твоему, въ которой прошу бѣдное тѣло мое предать погребенїю. На концѣ кладбища, къ самому полю, есть двѣ прекрасныя липы; тутъ желаю я, чтобъ по-

чилЪ прахЪ мой. ОнЪ можетЪ и конечно сдѣлаетЪ сїе для своего вѣрнаго друга. Присоедини свои кЪ моимЪ прозьбы; я не думаю, чтобы богоязливые Христїяне быть захотѣли подлѣ погребены такого нещастнаго трупа. АхЪ! желалЪ бы я быть положенЪ вЪ какой нибудь уединенной долинѣ, или лутче при большой дорогѣ, дабы священникЪ и ЛевитЪ идучи мимо моей могилы благословилЪ Всевышняго, а СамарянинЪ пролилЪ бы надЪ нею слезы.

Шарлота! я не содрагаюсь приемля страшную чашу смерти. Ты мнѣ оную подаешь, я не могу ее отринуть. Все уже совершилось; всѣ желанїя мои, вся надежда жизни моей исполнилась! Хладнѣю, окаменѣваю, уже отверзаются предо мною мѣдныя врата смерти.

Почто я лишенЪ того щастїя, чтобы умереть за тебя, дражайшая Шарлота, чтобы жизнь свою принести за тебя на жертву!

ву! Я бы умерѣ мужественно, и сѣ великою радостїю, еслибѣ тѣмѣ возвратилѣ тебѣ спокойствїе и благоденствїе твоея жизни. Но увы! щастїе пролить кровь свою за любезнѣйшихѣ особѣ, и сею жертвою умножить блаженство ихѣ, предоставлено весьма малому числу мужей знаменитыхѣ.

Я желаю, Шарлота, быть погребенѣ вѣ томѣ самомѣ платьѣ, которое теперь на мнѣ: оно священно, ты кѣ нему касалась. Я о семѣ также и родителя твоего просилѣ. Душа моя летаетѣ уже надѣ гробницею. Прошу, чтобѣ не обѣискивали моихѣ кармановѣ. Сей розовой бантикѣ, который украшалѣ грудь твою, какѣ я вѣ первый разѣ увидѣлѣ тебя посредѣ дѣтей, [сихѣ любезныхѣ дѣтей!, кажется мнѣ я теперь вижу прыгающихѣ около меня; расцалуй ихѣ и разскажи имѣ о судьбѣ нещастнаго ихѣ друга: ахѣ! какѣ я кѣ тебѣ прилепился, сѣ той

первой минуты, и до сей послѣдней не могъ я тебя оставить]; сей розовой бантикъ долженъ быть со мною погребенъ. Ты меня имъ подарила въ день рожденія моего: съ какою жадностію я принялъ оной! Увы! не предвидѣлъ я, что путь сей приведетъ меня къ такому концу! — будь спокойна, для Бога, будь спокойна —

Пистолеты заряжены — двенадцать бьетъ — часъ насталъ — Шарлота! Шарлота! прости! прости на вѣки! —

Сосѣдъ видѣлъ сверкнувшій огонь, и услышалъ выстрѣлъ; но какъ все было спокойно, то онъ о томъ болѣе и не думалъ.

Въ шесть часовъ по утру, слуга вошедъ къ нему со свѣчею, нашелъ его поверженнаго на полу въ крови, и предъ нимъ пистолеты; онъ кличетъ его, обнимаетъ его: но никакого отвѣта не получаетъ; онъ чуть только дышетъ; слуга побѣжалъ къ лѣкарю и къ Алберту.

ту. Шарлота слышитъ звонокъ, трепетъ ее обемлетъ: она разбужаетъ супруга своего; оба встаютъ съ поспѣшностію: слуга съ воплемъ и слезами разсказываетъ имъ печальное произшествіе. Шарлота лишась чувствъ, падаетъ предъ Албертомъ.

Когда лѣкарь пришелъ къ нещастному Вертеру, онъ лежалъ на полу; пульсъ у него еще бился, всѣ члены ослабѣли; пуля прошла по выше праваго глазу и вышибла мозгъ. Ему пустили изъ руки кровь, оная пошла, и онъ все еще дышалъ.

Можно было судить по крови, бывшей на креслахъ, что онъ застрѣлился сидя за писменнымъ столомъ. По томъ онъ упалъ, мучился и терзался около стула, и найденъ уже лежащъ на спинѣ у самаго окна. На немъ былъ синей фракъ съ жолтымъ камзоломъ и штанами, и сапоги. Домашніе и сосѣды, а по томъ и весь го-

родъ возмутился. Албертъ пришелъ, Вертеръ былъ уже положенъ на постелю, голова у него была завязана, смертная блѣдность покрывала уже лице его, всѣ члены были неподвижны, онъ еще страшно храпѣлъ, то тише, то крѣпче: всякую минуту ожидали его кончины.

Онъ выпилъ, какъ можно было видѣть, одну только рюмку вина; Емилїя Галотти лежала развернутая на столѣ его.

Я ничего не скажу объ отчаянїи Албертовомъ, ни о сокрушенїи Шарлоты —

Старой управитель услыша вѣсть сїю, безъ памяти прискакалъ; онъ бросился цѣловать умирающаго, проливая горчайшїя слезы. Старшїе его сыновья скоро за нимъ послѣдовали; они въ чувствительной скорби бросились на колѣни передъ кроватью, и цѣловали у него уста и руки. Старшей сынъ, котораго онъ больше всѣхъ любилъ, до

самой

самой кончины лежалъ у него на груди. И по томъ съ нуждою могли отвлечь его отъ тѣла. Въ двенадцать часовъ Вертеръ испустилъ послѣднее дыханіе. Присутствіе управителя и взятыя имъ предосторожности, удержали стеченіе народа; ночью около одинадцати часовъ велѣлъ онъ погребсти тѣло Вертерово въ назначенномъ имъ мѣстѣ. Онъ съ сыновьями проводилъ его; Албертъ не въ силахъ былъ ему последовать, а Шарлота была въ опасности жизни. Ремесленники несли тѣло; но ни одинъ священникъ не проводилъ онаго.

Конецъ второй и послѣдней части.

